

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 «История»

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль)/специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны
1940-1945 гг. (на примере института иностранных языков, эвакуированного в
г. Ставрополь Куйбышевской области)

Студент

О.Н. Кузнецова

(И. О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р ист. наук, проф.

В.А. Гуров

(учебная степень, звание, И. О. Фамилия)

Тольятти 2020

АННОТАЦИЯ

Цель исследования: состоит во всестороннем и комплексном изучении системы подготовки, жизни и подвигов военных переводчиков в тылу и на фронтах боевых действий в годы Великой Отечественной войны.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- 1) Проследить возникновение и развитие переводческой деятельности с древнейших времен в России.
- 2) Изучить нормативно-правовую базу в годы Великой Отечественной войны.
- 3) Проанализировать деятельность военных переводчиков в Великой Отечественной войне.
- 4) Раскрыть роль и значение военных переводчиков в период Великой Отечественной войны.

В первой главе рассмотрены исторические предпосылки возникновения переводческой деятельности в России и ее дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны, выявлена нормативно-правовая база, определяющая и закрепляющая работу института военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны.

Во второй главе показаны особенности подготовки военных переводчиков, проанализирована их деятельность в тылу и на фронтах боевых действий, отмечены боевые подвиги военных переводчиков, которые нашли свое отражение в координировании действий войск.

В заключении представлены выводы по итогам проведенного исследования.

Структура работы включает в себя введение, две главы, четыре параграфа, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Объем выполненной работы: 83 страницы (с приложениями).

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Зарождение и развитие переводческой деятельности в России	
1.1 Существование переводчиков в России с древнейших времен.....	13
1.2 Нормативно-правовая база.....	29
Глава II. Организация специальности военного переводчика в СССР в период Великой Отечественной войны	
2.1 Особенности подготовки военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны.....	33
2.2 Деятельность и боевые заслуги военных переводчиков на различных фронтах	боевых
действий.....	46
Заключение.....	62
Список используемых источников.....	66
Приложение А Стенд.....	74
Приложение Б Николай Николаевич Биязи.....	75
Приложение В Из интервью с заместителем главного врача санатория «Лесное» Мезиным Андреем Павловичем.....	76
Приложение Г Тетрадь курсанта Сейеженского Владимира Ивановича (1941 г.).....	77
Приложение Д Тетрадь преподавателя ВИИЯКА Паргарова Льва Федоровича.....	78
Приложение Е Зачетная книжка.....	79
Приложение Ж Диплом об окончании курсов Степановой Валентины Петровны.....	80
Приложение И Свидетельство об окончании курсов Булочникова Михаила Васильевича.....	81
Приложение К Приказ НКО СССР от 12 апреля 1942 г. «Положение о Военном институте иностранных языков Красной Армии».....	82

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что Великая Отечественная война навсегда останется той темой, о которой будут говорить и вспоминать многие поколения. Это страшное событие не обошло стороной никого в нашей стране. Люди воевавшие и отдавшие свои жизни за мирное небо над головой, достойны того, чтобы о них помнили. В приближающийся юбилей победы в Великой Отечественной войне данная тема становится очень актуальной. К тому же приближается и юбилей возникновения Института иностранных языков Красной Армии, о котором в дальнейшем будет идти речь. Можно много говорить о людях и профессиях, что всеми силами приближали день Победы. Но о военных переводчиках, что сыграли немало важную роль, написано не так много.

Объект исследования: деятельность военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны.

Предметом исследования: деятельность и организация структуры подготовки военных переводчиков Военного института иностранных языков Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

Хронологические рамки, в свою очередь, обусловлены заданной темой работы, а именно 1940-1945 гг. Тот период, когда военный факультет занимался своей основной учебной деятельностью. **Нижняя граница - 24.08.1940 г.**, Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о создании при 2-м МГПИИЯ специального Военного факультета. **Верхняя граница - 24.06.1945 г.**, на Параде Победы, в Москве Военный институт иностранных языков возглавил генерал - лейтенант Биязи Н. Н.

Территориальные рамки включают в себя территорию СССР. Так как основные боевые действия проходили на данной территории, и работа посвящена деятельности военных переводчиков в этих территориальных пределах.

Степень изученности проблемы:

Тема Великой Отечественной войны изучалась неоднократно, и поэтому широко изучена. Ей посвящено множество исследовательских работ, научных статей, а также написано множество исторических и литературных книг.

Если же говорить о теме военных переводчиков, то данная тема изучалась не столь широко и досконально. Поэтому, среди историографического материала данный аспект ВОВ прослеживается редко.

Стоит обратить внимание на тех исследователей, чьи работы послужили пополнению историографической базы на тему Великой Отечественной войны через рассмотрение такого вопроса, как становление военного переводчика и его подготовка.

Историографию данной темы можно разделить на две группы: научные труды и статьи.

К первой группе научных трудов стоит отнести таких исследователей, как С.Б. Велединская [6], И.С. Алексеева [1], З.Е. Оборнева [31], В.В. Сдобников и О.В. Петрова [46]. Переводческая деятельность нашла свое отражение еще задолго до начала войны. Структура перевода, его становление не раз претерпевали те или иные изменения. С течением времени, в тот или иной период обращалось внимание на различные аспекты языка. Будь то морфологические признаки, правильность построения предложений, выявление смысловой нагрузки или же синтаксические особенности. Все это так или иначе способствовало развитию перевода. Делало его проще или сложнее, насыщеннее в плане текстовых особенностей. В зависимости от того, для чего предназначался переводимый текст и какую роль он играл, строились и особенности перевода. Все они в своих работах так или иначе проследили становление особенностей языка для переводческой деятельности, а также развитие перевода как некой научной дисциплины, которая сама по себе вполне самобытна.

К этой же группе относят и одного из главных исследователей, также работавшей над темой военных переводчиков в годы Великой Отечественной

войны, Н.Г. Лобанова [25]. Ее работа «Центр военных переводчиков» охватывает период от становления военного факультета и почти до окончания его специального назначения. Там она описывает, как происходила организация обучения в данном институте, что с ним происходило во время войны, а также как происходило его функционирование за период нахождения в эвакуации в Ставрополе. Также она обращает свое внимание на известные нам личности, которые так или иначе проходили или закончили курсы военных переводчиков и внесли неоценимый вклад в победу.

Ко второй группе относятся статьи и публикации на тему военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрением этого вопроса занимались такие исследователи, как Т.А. Базарова, Т.А. Опарина, П.И. Прудовский, Л.А. Беляев и многие другие [34], чьи работы были опубликованы в едином сборнике. В XVI веке для переводческой деятельности выделяется практически целая структура в виде Посольского приказа. Нанимая или приглашая из-за рубежа переводчиков, правительство всячески применяло их знания в области иностранного языка для ведения политики, в основном внешней. В своих работах они подняли проблемы перевода иностранных текстов в России конца XVI - начала XVIII столетия, вопросы отражения личности переводчиков в различных типах источников.

Освещая данную тему, было написано ряд статей. К авторам этих статей можно отнести Е.Г. Торсуков [58], Б.Л. Бойко [5], П.П. Банман [3], Н.К. Гарбовский и Э.Н. Мишкурин [11], и другие. В своих работах они писали о различных особенностях языкового перевода, относящихся в том числе и к институту военных переводчиков.

Хоть и о военных переводчиках написано сравнительно немного, мы все же можем использовать данные материалы для складывания общей картины о том, что из себя представляло данное учебное учреждение, как возникла надобность в военном переводе, и как осуществлялась их подготовка.

Цель исследования: состоит во всестороннем и комплексном изучении системы подготовки, жизни и подвигов военных переводчиков в тылу и на фронтах боевых действий в годы Великой Отечественной войны.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- 1) Проследить возникновение и развитие переводческой деятельности с древнейших времен в России.
- 2) Изучить нормативно-правовую базу в годы Великой Отечественной войны.
- 3) Проанализировать деятельность военных переводчиков в Великой Отечественной войне.
- 4) Раскрыть роль и значение военных переводчиков в период Великой Отечественной войны.

Источниковая база представлена неопубликованными архивными источниками, а также опубликованными документами и материалами по организации и деятельности военных переводчиков Военного института иностранных языков Красной Армии. Среди них можно выделить несколько групп.

К первой группе, в первую очередь, относятся различные законодательные материалы, которые закрепляли деятельность военного факультета и его реорганизацию, а также обучение в нем. Так как многие положения об институте содержались в закрытом виде, основная часть документации и законодательных постановлений остается засекреченными. В открытом доступе лишь часть общедоступных и основных приказов и постановлений. Среди них: приказ НКО СССР от 24.08.1940 № 0195 «О переподчинении военных академий, училищ и школ Главным управлениям НКО СССР и расформировании Управления высших учебных заведений Красной Армии» [41]; Приказ НКО СССР от 12.04.1942 № 0271 «О реорганизации военного факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков в Военный институт иностранных языков Красной Армии» [40]; Приказ министра Вооруженных

Сил № 0180 от 5 сентября 1944 г., в котором было закреплено 1 февраля 1940 г. как дата образования Военного института иностранных языков [38]; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [36]; Постановление СНК СССР от 29 августа 1938 г. № 951 «О высшем заочном обучении» [37]; Приказ НКО СССР от 12 апреля 1942 г. «Положение о Военном институте иностранных языков Красной Армии» [39]; Типовой устав высшего учебного заведения, утвержденного постановлением СНК СССР от 5/IX 1938 г. [58] и другие.

Одними из наиболее достоверных и полно отражающих жизнь и деятельность военных переводчиков являются мемуары. Авторами являются сами участники событий, военные переводчики. В можно встретить описание того, как они жили, как проходило обучение, какие задачи стояли перед ними и многое другое. К таким важным источникам несомненно можно отнести «Записки военного переводчика» И. Левина [22], «Мой XX век. Записки историка» И.Я. Биск [4], «Записки военного переводчика» С.М. Верников [7], «Глазами военного переводчика» О.И. Грабарь [12] и другие. Работы посвящены ратному труду фронтовых переводчиков, одними из которых были авторы. Они прослеживает зарождение этой новой в нашей армии военной специальности. Рейды с разведчиками в тыл противника, результаты допросов пленных "языков", анализ трофейных документов, радиоперехватов и телефонных переговоров - все это дало советскому командованию в годы Великой Отечественной войны ценные сведения для принятия боевых решений. Переводчики показываются как парламентарии и пропагандисты, устным словом и листовками деморализовавшие противника. Немало раскрывают суть допросов, как они проводились, на что обращалось особое внимание, как нужно было искать подход, чтобы достать нужную информацию. Через их повествования можно наглядно проследить, что окружало военных переводчиков и чем они жили.

Другим источником являются различные газеты, в которых можно встретить информацию о самом институте, жизни в нем и воспоминания участников Великой Отечественной войны, связанных с ним. Также в них иногда встречаются исторические выдержки тех или иных событий, происходивших на фронтах боевых действий. К таким газетам относятся – «Площадь свободы» [26, 27, 32], «Сельская жизнь» [54], «Городские ведомости» [29, 48], «За коммунизм» [8] и другие.

Многие факты о жизни военных переводчиков могут поведать и личные вещи, записи и то, что принадлежало им. Они вели записи в тетрадях о расшифрованных планах противника, делали заметки о переводах, у каждого обучающегося была зачетная книжка, где, как и всем остальным выставлялись оценки за изучаемые предметы. Сохранились дипломы и свидетельства, выдаваемые по окончании курсов иностранных языков. Во время учебы на военном факультете многие слушатели писали письма своим родным и близким. Таким источником стало письмо слушательницы курсов иностранных языков Дагаевой Т.Т [35]. В нем она рассказывала о том, как они обустроились в Ставрополе, как проходил их день, сколько и чем занимались. Чем кормили, что было интересного, но и не забывала спрашивать, как дела у родных. В этих письмах трудно проследить боль военных лет. Студенты с гордостью писали о том, что обучаются в военном институте. Изучают язык, который пригодится на фронте. Каждый стремился отправиться на поле боя и сослужить полезную службу.

Исходя из вышеперечисленного, стоит отметить, что при наличии немногочисленной информации о военных переводчиках, их изучение может продолжаться. Тот пласт историографического и источниковедческого анализа, который доступен на данный момент, способствует, пусть и не настолько детальному, но изучению.

Методологические основы исследования: основным методологическим принципом исследования является принцип историзма и движущих сил исторического процесса. Автор руководствовался основными

принципами исторической науки: опора на факты, научная объективность, выявление причинно-следственных связей событий, рассмотрение их в исторической перспективе. Изложение материала построено по хронологическому принципу.

Новизна исследования:

1. Проведен анализ переводческой деятельности в России с древнейших времен;
2. Изучена деятельность Института иностранных языков Красной Армии, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области, рассмотрен комплекс факторов, оказавших влияние на его деятельность;
3. Введен в научный оборот ранее неизвестный комплекс источников личного происхождения – записи, зачетные книжки, дипломы и свидетельства об окончании курсов, письма и другое, а также приказы и распоряжения, касающиеся деятельности ВИИЯКА.

Практическая значимость исследования:

1. Выводы научно - исследовательской работы дают возможность для более полного анализа работы института иностранных языков, как на территории г. Ставрополя Куйбышевской, так и на фронтах боевых действий;
2. В научно - исследовательской работе исследованы исторические сюжеты, которые дают возможность восполнить белые пятна не только в истории отдельно взятого города, но и во всей истории, посвященной Великой Отечественной войне;
3. Силами студентов кафедры «История и философия» ГумПИ ТГУ под руководством д.и.н., профессора Академии военных наук В. А. Гурова и при поддержке директора ГумПИ Ю. А. Лившица была проведена научно-исследовательская работа «Исследование системы военно - патриотического воспитания молодежи, как фактора влияющего на формирование мировоззрения защитника Отечества», одним из результатов которой стало оформление выставочного стенда «Роль военных переводчиков в годы

Великой Отечественной войны 1940 - 1945 гг. (на примере института иностранных языков, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области)». Результаты текущего исследования использовались автором научной работы, который участвовал в этой научно-исследовательской работе при оформлении стенда.

Апробация исследования:

1. Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество» (Тольятти, 5 декабря 2018 г.):

Кузнецова О.Н. Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на примере военного факультета западных языков, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2018 г.): сборник студенческих работ. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018. С. 178-181.

2. Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество» (Тольятти, 5 декабря 2019 г.):

Кузнецова О.Н. Некоторые аспекты подготовки военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны (на примере факультета, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2019 г.): сборник студенческих работ. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2019. (находится в печати).

3. XLIV Самарская областная студенческая научная конференция (16 апреля 2018 г.):

Кузнецова О.Н. Роль военных переводчиков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере военного факультета западных языков, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // Общественные и

гуманитарные науки: материалы XLIV-й Самарской област. студ. науч. конф. Самара, 10-20 апреля 2018 года. Часть II. С. 56-60.

4. Кузнецова О.Н. Подготовка военных переводчиков в Ставрополе 1941-1945 гг. // Гаудеамус. Спецвыпуск. ноябрь 2019. С. 9.

5. I Рождественские образовательные чтения Тольяттинской епархии Великая Победа: наследие и наследники (11-15 ноября 2019 года):

Кузнецова О.Н. Военные переводчики в годы Великой Отечественной войны (на примере факультета, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // Поволжский вестник науки. 2019. № 3. С. 29-30.

6. Кузнецова О.Н. Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны 1940-1945 гг. (на примере института иностранных языков, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // Моя Отчизна: сборник научно-исследовательских, методических и творческих работ. – М.: Издательство «Перо», 2020. С. 487-491.

7. Кузнецова О.Н. Подготовка военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны (на примере института иностранных языков Красной Армии, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области) // Тенденции развития науки и образования. Июль. № 63. Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2020. (находится в печати).

Глава I. Зарождение и развитие переводческой деятельности в России

1.1 Существование переводчиков в России с древнейших времен

На протяжении всей истории развития человечества разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные и другие отношения друг с другом. Общение между деловыми партнерами, говорящими на разных языках, чаще всего осуществляется при помощи переводчика. В далекие времена таких людей на Руси называли толмачами и толмачками. В наше время трудно представить себе решение международных вопросов без участия переводчиков.

Первые ростки переводческой деятельности мы наблюдаем уже в Древней Руси. После появления письменности возникла и необходимость перевода в первую очередь религиозных текстов – молитв, Библии, Нового Завета и т.д. Первыми переводчиками в Древней Руси стали Кирилл и Мефодий, греческие просветители, создатели письменности и алфавита. Перевели множество богослужебных книг с греческого на славянский язык. Своей деятельностью они заложили основы славянской письменности и литературы. Поводом к широкой переводческой деятельности послужило прошение в IX веке Ростислава из Великой Моравии прислать к ним людей, которые смогли бы объяснить христианскую веру на славянском языке. Ростислав стремился к независимости славянской церкви, но получил отказ от Рима. Тогда к нему были направлены Кирилл и Мефодий с возможностью вести только просветительскую деятельность. Это могло не сыграть особой роли, если бы Константин не привез разработанную и удобную азбуку для передачи славянской речи и ряд переведенных богослужебных книг.

Фонетически и морфологически язык мораван отличался от того, что предложили братья, но язык богослужебных книг считался как письменный, язык – образец. Что в свою очередь помогло внедрить основы нового языка в народ. Привезенный язык был понятнее латыни. Практически сразу братья стали читать на богослужениях Евангелие на славянском, и народ потянулся к новому обычаю и христианству. Таким образом, благодаря Кириллу и Мефодию, в мире начинает утверждаться обновленная культура религиозных обычаев и распространение переводческой деятельности, что впоследствии оказало влияние и на развитие Руси [6].

С принятием Крещения на Руси религиозная тема проявила себя в еще большей степени. Бывшее до этого языческие верования приходилось искоренять и ставить государство и общество на совершенно другой путь развития. Внедрение новой религии не всегда проходило гладко, в частых случаях новые порядки насаждались насильным принуждением. Однако, стоит отметить, что стали переводиться в большом количестве христианские тексты с греческого и латинского. Но, боясь за искажения и инакотолкования текстов, переводчики старались переводить слово в слово, что часто отрицательно влияло на стиль и передачу текста, делало его не всегда понятным. Ведь за любое неправильное толкование священного писания могли обвинить в ереси. Поэтому, перед просветителями стояла непростая задача – распространить новые языковые особенности, чтобы было проще и понятнее изучать религиозные писания и приобщаться к христианству, прекратить споры о том, на каком все-таки языке должны вестись богослужения и читаться тексты. Целью переводческой необходимости становится ознакомление народов с нововведенными доктринами принятой религии и церковными обрядами, и обычаями.

Чуть позже начинают появляться множественные переводы различной христианской литературы, как, например, притчи, исторические хроники, жития святых, апокрифы. С переводом этой литературы русские люди могли начать знакомиться с новыми нормами морали и нравственности,

значительно расширился их кругозор. Благодаря этому введение новых религиозных мотивов происходило в более спокойной атмосфере. Также людям стали постепенно доступны и другие источники исторической и географической информации. Если говорить об особенностях перевода в этот начальный период, то стоит отметить, что переводы, как правило, выполнялись в Болгарии с греческого языка, и реже с латинских и древнееврейских источников, на староболгарский. На первоначальном этапе зарождения перевода авторство не указывалось, так как само по себе дело перевода религиозных писаний считалось важным и не нуждалось в уточнении переводившего лица. А техника перевода в буквальной манере стала неотъемлемой.

Некоторые исследователи отмечают, что православный мир являл собой культурную общность, которая обладала общим фондом текстов. И основной процент памятников средневековой письменности представляют собой именно переводы [1].

В утверждении христианства на Руси важную роль играли памятники агиографической литературы, которая включала в себя описания жизни святых. Такая литература являлась своего рода показателем нравственного идеала христианина. Среди таких источников мы можем назвать: «Житие Алексея, Человека Божия», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Бориса и Глеба» и т.д.

Широкое распространение получили переводы византийских апокрифов, которые ведали о различных чудесах и необычайных событиях из жизни Иисуса Христа и его апостолов. Но церковь не приняла данные описания, считая их ложными или мало достоверными.

С XI века становятся известны византийские хроники (исторические повествования). Здесь можно увидеть то, что при переводе отмечены стремление держаться как можно ближе к подлиннику, а также передача особых языковых форм. К такому виду источников относятся: хроника Иоанна Малалы Антиохийского, хроника Георгия Амартола и т.д.

Однако, в Древней Руси отмечается перевод не только религиозной литературы, но уже и произведения более светского характера. Такая тенденция прослеживается в XI – XIII вв., и в них можно отметить нравоучительные мотивы. Популярностью пользуются «Троянская притча», а также «Александрия», повествующая о жизни полководца Александра Македонского.

В переводах этих произведений заметно больше свободы в обращении с подлинниками, большее разнообразие стилистических средств, что объясняется не только их светским характером, но и влиянием живого русского языка, а также высокой стилистической культурой языка [34].

Встречаются сюжеты военных мотивов, которые описываются самими участниками или очевидцами. Переводчикам текстов нередко удавалось максимально красочно и понятно передать написанное, улавливая особенности построения фраз.

Таким образом, можно сделать вывод, что помимо попыток дословного перевода в Киевской Руси встречается и традиция вольного изложения подлинника. Отмечается высокий уровень русских переводов, что в свою очередь свидетельствует о самостоятельности языка переводов по отношению к языку переводимого текста. Киевская Русь превращается в центр славянской письменности, в первую очередь именно переводной. Но события, связанные с монгольским нашествием, неблагоприятно сказываются на дальнейшем развитии как русской литературной традиции, так и переводческой в частности.

С периодом монголо-татарского ига в XIII – XV вв. связывают некоторые изменения в языковых особенностях перевода. Происходит постепенное формирование русского языка на основе старославянского и народных диалектов. Однако, со второй половины XIII – первой половины XIV вв. переводная деятельность замирает. Продолжают переводиться лишь религиозные тексты на церковнославянский для церковных богослужений. Но на Русь поступает значительное число переводных памятников,

созданных в Болгарии, Сербии, в монастырях Греции, Иерусалима и многих других. Среди таких можно отметить «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о Макарии Римском» и т.д.

Прибытие новых переведенных памятников способствует и тому, что меняется и сама теория перевода. Если раньше наблюдается основной уклон на пословное переведение текстов, выделение сюжетности, то теперь внимание переносится на структурное своеобразие языка оригинала. Предпринимаются попытки обогатить пословный перевод закономерными грамматическими соответствиями. Изменения вначале не проявляют себя явственно, однако некоторые переводчики все же начинают постепенно отходить от буквализма и сохранять ритм самого оригинала (пример, перевод поэмы «Диоптра» Филиппом Пустынником) [6].

Существенные изменения подхода к технике перевода связывают с XIV в. с эмиграцией с Балканского полуострова многих церковных и культурных деятелей, а также с переводческой деятельностью ряда просвещенных московских митрополитов, как, например, Алексия, Киприана. Так, попытка проведения реформы, которая предполагала возвращение к первоначальным истокам, ко времени Кирилла и Мефодия, существенно повлияла на переводных тексты, сделав их грузными для восприятия.

Впервые был сделан полный перевод Библии не с греческого, а с латинского текста Вульгаты новгородским толмачом Дмитрием Герасимовым.

Хоть тяжелое время не позволяло делать упор на перевод каких-либо источников, все же некоторые работы имело место русского перевода. Переводились рыцарские романы, книги по географии, алхимии и врачебному делу. Тем самым, не давая переводческой деятельности закончиться на религиозных мотивах, и вовсе прекратить свое существование.

Политическая обстановка не перестает играть роли. Контакты с другими странами вызвали необходимость в политических и деловых

переводах. Постепенно начинает появляться необходимость не только в переводе различных текстов на уже формирующий русский язык, но и использование перевода для ведения политики.

XVI в. для территории русского государства ознаменован возвышением своей роли и значимости. Москва укрепляется как экономический, так и политический центр, а также превращается в переводческий центр. Но обособленность культурного аспекта продолжало существовать. Хотя переводились не только церковно-религиозные тексты, но и светского содержания, последние представляли собой лишь произведения познавательного характера. Переводы художественной литературы практически отсутствуют. Однако, стоит отметить, что у переводов появляются упоминания авторов, пропадает как таковая анонимность, переводчикам отводится особая роль в развитии языковых особенностей и культуре, они получают повсеместное общественное признание. Благодаря этому упрощается ведение и собирание данных о переводах, кем был выполнен, когда был выполнен, для какой цели и так далее, а также становится возможным ссылаться на самого переводчика [47].

XVI век ознаменовал собой одну из наиболее ярких страниц истории древнерусского перевода и переводческой мысли. Связывают это с именем Максима Грека и его последователей.

В то время на Руси шли бурные споры о больших расхождениях в славянских богослужебных книгах. Это осложнялось и тем, что отсутствовало регулярное образование священнослужителей. Так, в 1515 году Василий III обратился с просьбой прислать в Москву переводчика из греческого монастыря. Его просьба была одобрена, и в 1518 году в Москву в составе греческого посольства прибыл Максим Грек (Михаил Триволис). В качестве помощников ему дали двух посольских толмачей: Дмитрия Герасимова и инок Власия.

Максим Грек был достаточно известен благодаря своей деятельности. На его счету множество переводов, среди которых большее число занимают

книги религиозного характера, встречаются переводы и нерелигиозных писаний, которые он сопровождал различными комментариями. Он был хорошо обученным и образованным человеком. Поэтому в его комментариях можно заметить следы замечаний о технике перевода. Это своего рода первые размышления на данную тему в России. Изучая славянские книги, он заметил большое количество ошибок еретического характера. Появление таких ошибок в церковнославянском языке он связывал с незнанием греческого языка. И при исправлении зачастую нарушал устоявшиеся традиции перевода, из-за чего навлек на себя обвинения в ереси и неподобающем отношении к религиозным текстам. Позже он написал работы, в которых пытался разъяснить, чем он руководствовался при исправлении ошибок, дабы прекратить обвинения в свою сторону [6].

Его убеждения послужили основой для созданной им в Москве школы перевода. Ему принадлежит грамматическая концепция перевода, связанная с установлением закономерных грамматических соответствий. В помощь другим переводчикам Грек часто оставлял свои многочисленные замечания и рассуждения о разных аспектах грамматического содержания, которые, по его мнению, должны были быть отражены в переводе. Это прослеживалось и в его собственных переводах произведений Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого и т.д.

Немало важной была и подготовительная работа, которая проводилась перед самым переводом. Тщательный анализ оригинала, необходимость обозначить все нюансы и стилистические особенности – все это несомненно должно было учитываться для того, чтобы полноценно передать смысл и все особенности переводимого текста. Для этого переводчик, по мнению Грека, должен знать не только язык, но и обладать широкими филологическими познаниями: хорошо знать грамматику и риторику, уметь анализировать подлинник, и учитывать конкретный смысл текста, который несет в себе источник.

В своей школе перевода он практиковал и устно-письменный перевод. Сам он устно мог переводить с греческого письменного на латынь. Потому что техника устного перевода, как и письменного, в зависимости от обстоятельств, играла свою немало важную роль.

Максим Грек сыграл огромную роль в деле культурного просвещения Руси. Благодаря его переводческой деятельности в принципе, русские люди могли узнать об античных авторах, об важнейших исторических событиях и открытиях и о многом другом. К сожалению, не все смогли принять резкие изменения в тактике перевода, которые привнес с собой Грек. Его просветительская деятельность привела к тому, что он был осужден как еретик и заточен в монастырь.

XVII век ознаменовался яркими историческими событиями, которые в свою очередь не могли остаться без следа и в практике перевода, и в культурной жизни тоже. Среди новых тенденций можно выделить: литература выходит из-под монополии церкви, и усиливается авторское начало в литературе и переводе; развитие книжного дела, и выделение новых отдельных жанров (учебные пособия, трактаты и т.д.); осознание самостоятельной эстетической ценности различных видов искусства; упор на перевод с латинского языка – языка науки в европейских странах [34].

В связи с этим во второй половине XVII века начинается противостояние греческой и латинской традиции перевода. Грекофилы переводили с греческого на славянский язык, но и доказывали, что греческий лучше подходит для этой цели, нежели латинский.

Находит свое распространение и переводная литература. Европейские рыцарские романы, проникающие в Россию, стали своего рода развлекательной литературой. Среди данного жанра нам известны «Повесть о Петре Златых Ключей», роман о Бове Королевиче (из французского источника), роман о Брунцвике (пришедший из Чехии) и многие другие. Характерно, что переводы таких произведений оставались анонимными.

Значительную долю переводов в этот период играют новеллистические сборники религиозно-дидактического содержания, выполненные в виде переложений, как правило, с польского языка («Повесть о семи мудрецах», «Римские деяния», «Великое зеркало»).

Еще одной характерной чертой XVII в. в переводе становится то, что имен переводчиков остается больше, тем самым появляется возможность ссылаться на их работы, и появляется все большее число переводов нерелигиозного материала, например, переводу подвергаются работы научного характера – по медицине, геометрии, астрономии и многие другие. Впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский и русско-латино-шведский, и некоторые другие.

В России к этому времени уже выделяются свои основные категории переводчиков. К ним относятся: «приказные переводчики»; случайные, разовые переводчики; переводчики-монахи; переводчики «по желанию», в основном приближенные царя [6].

Суть «приказных» переводчиков заключалась в посредничестве в деловых и экономических контактах России с западными странами. Это были переводчики, состоявшие в московском Посольском приказе. Преобладали выходцы из южной и западной Руси, Польши, другие иностранцы, которые хорошо знали латынь и греческий, но плохо знали русский. Стоит отметить, что зачастую в переведенных текстах обнаруживались ошибки. Зависело это от многих факторов. Одним из них можно выделить то, что переводчики все же по-своему передавали смысл материала, могли пропустить «особую информацию», сокращали объем и многое другое. Порой недостаток внимания к переводу или поспешность тоже сказывались на конечном результате. Затруднения при передаче больших объемов иноязычных текстов для людей, не являвшихся носителями языка. В конечном итоге переработка и корректировка смысла материала тоже несли за собой искажение первоисточника. Наконец, чрезвычайно существенными представляются исправления титулов царя или патриарха в строгом соответствии с принятым

в Русском государстве формуляром, когда в присылаемых грамотах это важнейший, напрямую связанный с вопросами царского или патриаршего достоинства элемент дипломатического этикета довольно часто воспроизводился неполно или не точно. Вот почему было крайне важно преподносить перевод максимально близкий к тексту первоисточника. И в зависимости от того, какое предназначение у документа и какую смысловую нагрузку он несет, обозначалась степень переводческой обработки. Именно в Посольском приказе деятельность переводчика начинает оплачиваться. На службу в качестве переводчиков в Посольский приказ начинают приниматься служащие царского двора, владевшие тем или иным языком. Приветствовалось знание тех языков, которые могут быть полезны при решении политических задач.

К 3 группе переводчиков относились ученые монахи, которые переводили только религиозные тексты с греческого и латинского языков. Среди них ярко выражалось разделение на «грекофилов» и «латинофилов». К первым можно отнести Епифания Славинецкого, переводчика Киево-Печорской лавры. А также Арсений и Дионисий Греки, иеродиакон Дамаскин.

К последней категории относились те, кто занимался переводом, потому что нравилось. Они сами выбирали себе тексты. Среди таких были и приближенные царя – Андрей Матвеев, Богданов, князь Кропоткин.

С наступлением XVIII века в России отмечается еще один виток изменения исторических событий. Вливание в европейский культурный и политический контекст. Для России это стало периодом общественно-политических и экономических реформ Петра I. На развитие перевода в России повлияли существенные факторы, как объективные, так и субъективные. К объективным факторам следует отнести: выход России из культурной самоизоляции, развитие экономики, необходимость в связи с новым курсом познание западноевропейских научных достижений. К субъективным факторам относится неопределимая роль Петра I в организации и развитии переводческой деятельности, ориентированной на Западную

Европу. Сам царь проявил себя не только как организатор переводческой активности, но и как переводчик-практик и критик переводов. В свое время он сам перевел «Архитектуру» Барроци да Виньоллы.

Особый толчок для дальнейшего развития переводческой инициативы стала потребность в новых знаниях для перестройки на новый западный лад во многих аспектах государственной и общественной жизни. В военном деле для создания современной армии и ее грамотной организации, для создания новых видов вооружения и строительства морских судов; в упорядочении международных контактов при расширении границ Российской империи и осуществлении внешнеполитических моментов, требующих массовой подготовки переводчиков; в секуляризации образования (светский характер), его ориентации на естественно научные знания в противовес духовным [1].

Возможность налаживания контактов с другими странами через Балтийское море, Россия постепенно начинает реорганизовываться по европейскому образцу. В том числе и в переводческом деле.

Если раньше перевод и все, что с ним связано, исходило от религиозных институтов, то теперь перевод провозглашается делом государственной важности, реорганизацией этого дела теперь занимается государство. Чтобы закрепить данное право за государством, Петр издает ряд указов, в которых обозначаются новые требования к переводческой сфере [47]:

- «внятность передачи переводимого содержания» - Петр, понимая неудобство церковнославянского языка, избирает для переводов язык польского приказа, который считался официально-деловым. Перевод должен проводиться не построчно, а согласно содержанию, без приукрашиваний слога;

- «владение переводчиком азами переводимой науки» - знания о предмете, который переводят, просто необходимы для более внятного перевода;

- «точное воспроизведение смысла, а не формы».

Также Петр I особое внимание уделяет литературе, которой переводят. Предписывается переводить те материалы, которые способствовали бы развитию наук, военного дела и экономики и т.д., то, что стало бы полезным для развития России. Диапазон переводов светских нехудожественных текстов из разнообразных областей резко расширяется.

Одним из последних указов царь Петр учреждает Российскую Академию, в «которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили бы книги».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при Петре I переводческая деятельность начинает развиваться в совершенно другом ключе. Теперь перевод носит светский характер, ему уделяется значительно внимание. Начинают появляться документы, в которых регламентируется переводческое дело. Религиозные писания отходят на последнее место, тогда как внимание переключается на различные научные писания и литературу.

В послепетровское время переводческая деятельность продолжает развиваться и получать организационные формы. Появляются новые структуры и учреждения, посвященные переводческой деятельности. «Русская ассамблея» стала первой профессиональной организацией переводчиков. В ее стенах были замечены такие видные деятели, как Третьяковский, Ломоносов и многие другие, входившие в состав Академии Наук. В переводческой деятельности обозначились такие задачи, выработка правил и принципов, которыми должны руководствоваться переводчики, отбор книг для перевода, рецензирование переводов, критическая оценка [6].

Чуть позже была создана и школа иностранных языков при Академии, готовящая официальных переводчиков. По требованиям переводчик должен был уметь переводить не меньше, чем на 3 языках – с латинского, немецкого, французского. Их даже отправляли за границу для профессиональной подготовки, для изучения языков. Стали получать регулярное вознаграждение.

Екатерининская эпоха, эпоха Просвещения, переносит акцент на художественную прозу. Просветители ставят задачу познакомить общество с традициями европейского общества, обогатить родную литературу.

Отмечается тенденция преимущественно вольного перевода. Отсутствие ощущения национальной специфики текста давало переводчикам возможность широко применять приемы адаптации. Например, переводчик Е.И. Костров, переводя «Илиаду» Гомера, вводит такие замены, как «сапоги», «стать», «пуговицы». Переводчик Глебов изменяет имена у Вольтера, придавая им русский мотив: Перро, Колен и Пиретта становятся Сидором, Карпом и Агафьей. Порой возникают и сюжетные замены.

XVIII век поистине стал значимым в расцвете переводческого дела. Неудивительно, что многие деятели и сами занимались переводом, и причем успешно. Среди них можно выделить М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковский. Они смогли выделиться не только в литературном переводе различных литературных и научных произведений, но и написании трудов на иностранных языках. Имея прекрасные знания иностранных языков, в особенности французского и немецкого, они, занимаясь переводом, максимально старались приблизиться к содержанию самого источника. При этом они сделали важный вклад и в изучение перевода, делая заметки или комментарии по теории перевода [1].

Если до XIX в. в теории и практике перевода мы видим, что деятельность направлена на перевод особых писаний и государственных документов, то XIX век становится расцветом русского художественного перевода. «Золотой век» связан с удовлетворением запросов российского читателя, у которого развит литературный вкус, и привыкшего к шедеврам литературы. Для перевода этой эпохи характерно наличие выделения колорита сюжетной линии источника. Здесь появляются ноты романтизма и классицизма, которые оставляют неотъемлемый отпечаток на передаче текста с иностранного языка [47].

Одной из ключевых фигур русского перевода здесь стоит отметить В.А. Жуковского, которого А.С. Пушкин называл «гением перевода». Он переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Он фактически первым познакомил русского читателя с творчеством Гете, Шиллера, Бюргера, Байрона.

В переводах Жуковского проявляется осознание собственной творческой индивидуальности, своего авторского «я» при переводе. Он всегда субъективен, не скрывает свое видение мира, проявляя его в переводе. Впервые переводчик осознает творческую, мирозерцательную основу своего труда именно в романтическую эпоху.

Но если многие переводчики стояли на позиции вольного перевода, то были и те, кто ратовал за продолжение максимальной близости перевода к оригиналу (П. Вяземский, Н. Гнедич, А. Фет).

Одними из тех, кто внес неоценимый вклад в развитие перевода, являлись два великих русских поэта – М.Ю. Лермонтов и А.С. Пушкин. Перевод не занимал основное место в их творчестве, однако, благодаря ним был значительно повышено качество художественного перевода.

Пушкину принадлежит роль в развитии русской школы перевода. Он много времени уделял изучению и исследованию проблемных вопросов перевода. Также он делал различные заметки с критической точки зрения, которые отличались объективностью и глубоким смыслом; впоследствии к этим заметкам прислушивались многие художественные переводчики. Пушкин всегда отмечал важность отбора литературных произведений для перевода (связывалось это и с литературными веяниями в ту эпоху), выступал за то, чтобы оставаться верным оригинальному тексту, не забывая уделять внимание качеству и выразительности литературного стиля переводчика. Все это в дальнейшем благотворно сказалось на переводческой деятельности одних из лучших переводчиков XIX и XX вв.

Вклад Лермонтова заключался в том, что он основательно изменяет подход к переводу текстов, а именно, убирая одни мотивы и детали, заменяя

их или оттеняя некоторыми характерными чертами оригинала. Неким образом перекраивая исходный текст, он не изменяет его полностью, а лишь вносит такие коррективы, которые позволят понятно донести текст до читателя. Тем самым показывая не только себе, что перевод может быть сконструирован самим переводчиком для поиска того перевода, который нужен в конечном итоге.

XX век для России ознаменовался переходом к интенсивно развивающимся технологиям, искусству, культуре, а также различная интеграция во внешнеполитических аспектах. Нельзя не заметить, что теория перевода не теряет своей актуальности, а наоборот, а продолжает развиваться и совершенствоваться, как самостоятельная наука [11].

Взлет перевода художественной литературы в 20-30-х годах XX века обратил на себя внимание. Множество произведений стали собираться в сборники и распространяться на территории страны. Четко наметились две тенденции в переводческой деятельности. Во-первых, издаваемые переводы тщательно редактировались, чтобы извлечь высокое качество перевода, подчиняя требованиям эквивалентности и эквилинеарности. В Советском Союзе, так и за рубежом, большую известность приобрели такие переводчики, как Е. Калашникова, Л. Гинзбург, С. Маршак, Б. Пастернак и многие другие.

Во-вторых, переводчики, работали в жестких рамках государственной цензуры. Идеологическая обработка и доработка переводов нередко искореняли так называемые нежелательные высказывания, и вносили свои полезные идеологические акценты [6].

Таблица 1 - Развитие переводческой деятельности с древнейших времен до Великой Отечественной войны [1]

Период	Что представляла собой
Киевский период	Основная переводческая деятельность выражалась в переводе религиозных текстов; переводом в основном занимались церковные богослужители, насчитывалось

	таких переводчиков не больше нескольких десятков, точную цифру установить невозможно, так как вначале те, кто занимался переводом, не обозначали себя; переводили с греческого языка, позже постепенно начали переводить и с латинского языка.
Московский период XIV – XVII вв.	Переводческая деятельность начинает расширяться; переводятся уже не только религиозные писания, но и другие повествовательные тексты, также Посольский приказ начинает привлечение переводчиков, зачастую иностранцев, для перевода различной документации; таких переводчиков в Посольском приказе могло насчитываться около 50-60 человек; добавились и новые языки, с которых переводили: польский, немецкий, французский, шведский и стало больше латинского.
Российский период XVIII – XIX вв.	В этот период переводческая деятельность получает свое масштабное развитие с началом правления Петра I; благодаря ему перевод становится светским занятием, религиозные писания отходят на второй план; начинается переустройство переводческой деятельности с учетом внутренней и внешней политики; появляются структуры и указы, благодаря которым начинается уже постепенное обучение переводу и утверждаются общие положения, каким должен быть перевод; широкой популярностью начинают пользоваться литературные переводы иностранных авторов; начинают переводиться тексты с английского языка; переводчиков могло насчитываться более 100 человек.
Россия XX в.	XX век продолжил традиции переводческой деятельности предыдущих столетий; обороты стали набирать художественная литература и направления научно – технического прогресса; Россия активно делилась и перенимала культурные особенности и научные достижения других стран, поэтому перевод акцентировался именно на эти направления; ко многим языкам, с которых переводили добавились еще и языки Скандинавии, испанский, итальянский, языки Армении и Грузии; практика перевода стала настолько широко распространена, что ею занимались многие, поэтому число переводчиков могло достигать до нескольких сотен специалистов.

Таким образом, анализируя все выше представленное, можно сделать вывод, что перевод, как значимая единица деятельности, начала формироваться еще задолго до Великой Отечественной войны. Перевод религиозных писаний несомненно дал этому старт и повлек за собой распространение переводческой деятельности не только на территории Руси,

а еще впоследствии, на территории России, но и в других странах. Обмениваясь значимым опытом, развивая теорию перевода, к людям постепенно стало приходить осознание, что перевод может послужить и для других целей. Как например, во внешней политике, дипломатических встречах или даже развитие культуры. Зарождение и продвижение переводческой деятельности внесло особый вклад в развитие международных отношений, а также принесло неоценимую пользу во время боевых действий в период Великой Отечественной войны.

1.2 Нормативно-правовая база

Как и любое государственное учреждение, военный факультет получил свое закрепление в документации. Для учреждения будущего института был принят ряд постановлений и приказов, утверждающих работу военного факультета, его учебную деятельность и специфику. Так как это учебное заведение имело значение государственного уровня, а именно подготовку сначала преподавателей иностранных языков, а затем военных переводчиков для нужд фронта, то документировалась любая реорганизация данного учреждения.

Война требовала максимального сосредоточения сил. В связи с этим возникла необходимость сосредоточить все учебные структуры военного типа под главенствующими государственными структурами, чтобы максимально скоординировать подготовку и обеспечить снабжение фронта специалистами в той или иной области. Это тактическое решение закрепил приказ НКО СССР от 24.08.1940 № 0195 [41]. В число этих учебных заведений вошел и военный факультет. В документе говорилось: «В связи с образованием главных управлений Наркомата обороны, отвечающих за состояние и боевую подготовку своего рода войск, приказываю: Военные академии Красной Армии с 1 сентября с. г. передать в подчинение:...15. Военные факультеты при Московском педагогическом институте иностранных языков и при Московском институте востоковедения — начальнику Генерального штаба Красной Армии.». Среди них также

числились различные военные училища, бронетанковые, кавалерийские и многие другие училища, а также пехотные и стрелково-пулеметные курсы, и многое другое: «Военно-учебные заведения Красной Армии (военные училища, школы, курсы) подчинить главным управлениям Красной Армии: Московское пехотное училище, Смоленское стрелково-пулеметное училище, Ульяновское бронетанковое училище, Школу военно-музыкантских воспитанников и т. д...». Таким образом, множественные учебные подразделения для подготовки специалистов переходили под контроль Главных управлений НКО СССР и Красной Армии.

С каждым разом требования фронта увеличивались. Вместе с этим увеличивалась и менялась специфика обучения на военном факультете. Приходилось расширять базу, изменять подход к изучению языков, практически реорганизовывать всю деятельность военфака. Его расширение, как особой государственной структуры, было закреплено в приказе НКО СССР от 12.04.1942 № 0271 [40]. Из документа: «1. Военный факультет при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков с существующими при нем курсами военных переводчиков реорганизовать в Военный институт иностранных языков Красной Армии...Реорганизацию института и расформирование военного факультета при Московском институте востоковедения закончить к 15 мая 1942 года.».

Фактически, институт был образован совместным приказом наркоматов обороны и просвещения, что 1 февраля 1940 года в Москве учреждается военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) для переводческих нужд. Однако, юридически этот факт был зафиксирован лишь в 1944 году приказом министра Вооруженных Сил № 0180 от 5 сентября 1944 г. [38]. К сожалению, текста документа в открытом доступе не имеется, но само по себе упоминание данного приказа встречается часто при рассмотрении данной темы. Именно по этому приказу 1 февраля 1940 года стало считаться датой основания института.

В качестве основных положений об организации учебной деятельности были приняты во внимание, утвержденные ранее Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» и Типовой устав высшего учебного заведения, утвержденного постановлением СНК СССР от 5/IX 1938 г. Именно в них можно найти положения о приеме в высшие учебные заведения, об организации учебного времени, о порядке и дисциплине, а также описание руководства учебного заведения. Все это распространялось и на положение военного факультета. «1. Правом на поступление в высшие учебные заведения и на бесплатное обучение в них пользуются все граждане Советского Союза обоего пола, в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие аттестат об окончании полного курса средней школы и успешно выдержавшие установленные для поступления в эти учебные заведения испытания. б. Установить для оканчивающих высшие учебные заведения дипломы двух степеней. Диплом первой степени выдается студентам, окончившим высшее учебное заведение с отметками "отлично" не менее чем по 3/4 всех предметов, а по остальным - с отметками "удовлетворительно" - и сдавшим все государственные экзамены или защитившим дипломные проекты на "отлично"...» [36]. «Успеваемость слушателей определяется следующими степенями оценок (отметок): 1) «отлично», 2) «хорошо», 3) «посредственно», 4) «неудовлетворительно». Каждому слушателю выдается единый слушательский билет и единый матрикул (зачетная книжка). В матрикул заносятся все предметы, обязательные для прохождения и оценки по экзаменам и зачетам...» [58].

Регламентировалось не только очное обучение. Постановлением СНК СССР от 29 августа 1938 г. № 951 [37] предусматривалась отмена сдачи экзаменов по письменным работам, но вводилась обязательная очная сдача экзаменов и зачетов по всем дисциплинам учебного плана. Так же устанавливались сроки сдачи экзаменов и итоговых дипломных работ. Тем заочникам, которые успешно выполняли свои учебные планы, могли

рассчитывать на дополнительный отпуск во время сессии, а также на получение стипендии.

Военный факультет быстро набирал обороты. Поэтому приказом НКО СССР от 12 апреля 1942 г. [39] факультет был реорганизован в институт и получил широкую специализацию. Этим приказом к нему присоединялись дополнительно курсы иностранных языков с Ферганы и Орска. Тем самым военный институт получил еще большее расширение.

Выбирая место передислоцирования факультета, исходили из того, чтобы место оставалось максимально секретным и находилось в умеренной отдаленности от Москвы. Таким местом и был выбран г. Ставрополь Куйбышевской области. Летом в 1942 году место санатория «Лесное» было закреплено как место нахождения Военного института иностранных языков [43].

По возвращении из Ставрополя в Москву, факультет уже был преобразован в институт, и стал высшим учебным заведением. Поэтому было принято решение о том, чтобы ВИИЯКА, который находился в подчинении начальника Главного разведывательного управления Красной Армии, передать в подчинение начальнику Главного управления кадров Народного комиссариата обороны Союза ССР [42].

Все эти постановления и приказы наглядно показали, как происходило становление института, как высшего учебного заведения, из небольшого факультета численностью около 300 человек.

Глава II. Организация специальности военного переводчика в СССР в период Великой Отечественной войны

2.1 Особенности подготовки военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны

Переводческая деятельность постепенно стала проникать в жизнь людей первоначально в мирных целях. Переводчиков приглашали, либо они находились совсем близко в окружении правящего лица. Однако, стоит отметить, что при рассмотрении данной картины можно сделать вывод лишь о зарождении переводческой деятельности, но не самой профессии военного переводчика. Об этом стали задумываться лишь тогда, когда в XX веке нависла угроза неизбежной войны. Лишь с данными событиями стоит связывать возникновение необходимости военного перевода, а соответственно, и возникновение военных переводчиков, как профессионалов своего дела.

Профессия военного переводчика незаслуженно была обделена вниманием писателей и кинематографистов. Ведь именно от них зачастую зависело положение, успехи и неудачи советских солдат на различных фронтах боевых действий. Практически ежеминутно переводя тексты, захваченных в боях документов, или допрос пленного, они помогали на шаг приблизиться к победе. Их было не так много, от этого они становились еще ценнее. И поэтому, стоит поговорить о тех, кто ценой своей жизни, не смотря

ни на какие трудности, выполнял свою работу. О тех, кого несправедливо успели позабыть.

В военные годы особое развитие получает устный перевод [59]. Стремительное развитие событий неимоверно этому способствовало. Активно развивается теория научно-технического и военного перевода. Впервые как о специальности «военный переводчик» заговорили еще в 1929 году, когда был издан Приказ Реввоенсовета Союза ССР №125 от 21 мая 1929 года «Об установлении звания для начсостава РККА “Военный переводчик”» для подготовки военных переводчиков на случай углубления напряженности в международных отношениях [51]. Тогда уже с начала 1930 – х годов началось развитие переводческой деятельности в военной сфере, и в некоторых местах стали организовывать переводческие курсы для подготовки. Такие курсы были открыты для Тихоокеанского флота, Дальневосточного фронта, в Хабаровске и т.д. Изучение языков строилось исходя из того, где возникали курсы. Паулина Мансурова стала первой русской переводчицей, которая работала с русским и испанским языками. Ее сестра Кондратьева Аделина впоследствии также стала военным переводчиком, проходившей курсы в Военном институте иностранных языков. Она занималась переводом с итальянского и испанского языков [51]. Но с приближением военных действий оказалось, что как таковых профессионалов в этой области не хватает. А порой их не было совсем. Поступающая с фронтов захваченная документация противника, планы, карты, переписка и многое другое требовали моментального перевода. Оказалось, что переводить некому. Поэтому о серьезной подготовке военных переводчиков на нужды фронта следует говорить с появлением особых факультетов по подготовке. Тогда на государственном уровне был поставлен вопрос о формировании учебного заведения с целью подготовки будущих военных переводчиков для отправки на фронт. Совместным приказом наркоматов обороны и просвещения 1 февраля 1940 года в Москве учредили военный факультет при Втором Московском государственном

педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ), перед которым стояла задача подготовки военных преподавателей французского, немецкого, английского языков. При создании факультета подготовка самих военных переводчиков не предполагалась. Факультет создавался в момент срочной необходимости. На обучение зачислили студентов 1 и 2 педагогических институтов иностранных языков. Предполагалось, что данной структуры обучения вполне должно было хватить для переводческой деятельности. И 8 февраля 1940 года в здании Второго МГПИИЯ начались занятия. Учебный план предусматривал собой изучение дополнительных дисциплин, таких как страноведение, военный перевод, стрелково-тактическая подготовка [25].

С октября 1940 года данный факультет возглавил генерал-майор Н.Н. Биязи [5]. Сам он владел 14 иностранными языками. Под его началом Военфак получил широкомасштабное обновление. При нем началось реформирование учебной деятельности факультета по разным направлениям. Это подготовка состава РККА и войск НКВД, была создана база для подготовки и обучения будущих военных переводчиков на случай возникновения военных боевых действий, также был сделан упор на увеличение числа изучаемых языков (их стало насчитываться до пятнадцати), было принято решение развернуть научно – исследовательскую работу по созданию учебных пособий, в которых содержались бы те основы языковой подготовки, которая была необходима на случай войны. Из небольшой учебной структуры военный факультет преобразовался в самостоятельное крупное учебное заведение, которое в дальнейшем подготовит тысячи переводчиков для нужд фронта. В дополнение к общему обучению были созданы краткосрочные курсы немецкого языка, так как он зачастую все же оставался в приоритете. Оборудования было не так много, но и немногочисленных магнитофонов, репродукторов и т.д. хватало для практики иностранных языков. Бывали случаи, когда устраивались встречи с представителями иностранных компартий, которые так или иначе посещали СССР.

В начале 1941 года факультеты постепенно переименовывались, становясь уже факультетами западных и восточных языков. Одними из первых языковых кафедр, которые положили начало военно-филологическому направлению в подготовке офицерских кадров СССР, стали кафедры славянских, угро-финских, романских, англо-скандинавских языков и немецкого.

Но с началом войны факультету пришлось перейти на ускоренную подготовку. Особую значимость играло умение быстро и разборчиво писать на иностранных языках в тяжелой боевой обстановке. Учили печатать на пишущих машинках с иностранными буквами. Специально созданные различные кружки способствовали практическому освоению иностранных языков. Такие кружки, как драматический, танцевальный, литературный и многие другие. Также внимание уделялось физическому здоровью обучающихся. Для силовой подготовки и стрессоустойчивости были организованы волейбол, плавание, легкая атлетика и т.д. Утренняя зарядка также была обязательной для всех слушателей факультета.

Дефицит переводчиков на фронтах заставил командование перевести факультеты на курсовую систему подготовки специалистов. После чего массово, около трех тысяч человек, стали готовить личный состав по языкам стран гитлеровской коалиции. Потребности фронта с каждым разом возрастали. Тогда было принято решение организовать шестимесячные курсы военных переводчиков, так как многих в срочном порядке забирали на фронт. Вместе с тем были убраны из плана обучения различные теоретические и дополнительные дисциплины (педагогика, литература страны, введение в языкознание и т.д.), чтобы больше времени уделять самой сути перевода. С этого момента можно говорить о том, что начинается подготовка студентов, как военных переводчиков, а не как преподавателей иностранных языков. Структура факультета значительно расширилась, и по существу военфак стал языковым вузом Красной Армии. Были организованы самостоятельные кафедры иностранных языков: романских, немецкого,

англо-скандинавских, угро-финских и других. Всего насчитывалось 15 языков, на которых стало вестись обучение.

Но ситуация не всегда благоволила Красной Армии. На подступах к Москве стали пробираться солдаты немецкой армии. Долго держать оборону русской не удавалось. В связи со сложившимся положением было принято решение обезопасить и эвакуировать военный факультет [43]. Приказом НКО СССР в октябре 1941 года было принято решение эвакуировать данное учебное заведение в город Ставрополь Куйбышевской области. На специальном пароходе «Карл Либкнехт» (до революции этот теплоход назывался «Король Альберт»), выделенным для передислокации, с 10 по 18 октября происходил перевоз слушателей военфака [22]. Все происходило очень организовано, под секретом, сумели захватить с собой основную учебную базу, оборудование и другое. Никто из слушателей не был осведомлен о том, куда их перенаправляют. Сидя в каютах, многие продолжали заниматься иностранными языками.

Прибыв в Ставрополь, факультету пришлось сразу начать решать возникшие трудности. Оказалось, что мест для расселения не хватает, а помещения придется вновь обустроить для занятий, создав необходимый минимум комфортных условий для жизни и учебы. Если слушатели института были размещены в санатории «Лесное» - кумысолечебнице для больных туберкулезом, построенной в 1910 году Валентином Николаевичем Климушиным [48], то курсанты – в самом Ставрополе. Юношей поселили в школе, а девушек – в техникуме. Некоторых расселили в домах местных жителей. Состав учебного заведения перешел полностью на самообслуживание. Заниматься приходилось в три смены, порой больше 10 часов в сутки. Уставали жутко. Между делом курсанты и слушатели кололи дрова, занимались приготовлением пищи, оборудовали помещения для занятий и многое другое.

Слушатели, которые обучались в институте и на курсах, были разными. В основном это мужчины, закончившие различные учебные заведения, в той

или иной степени владевшие языком. Немало было и семнадцатилетних мальчишек в нескладном армейском обмундировании. Это слушатели, которых через райкомы комсомола зачислили на курсы переводчиков. Поэтому на пустынных улицах Ставрополя можно было встретить молодцеватого подтянутого стройного командира, сутулого, долговязого юношу в очках и молоденькую девушку в старенькой солдатской шинели, но в кокетливом беретике (на первых порах обмундирования хватало не полностью).

В выходные дни на ставропольской толкучке можно было встретить и некоторых слушателей института. Их легко узнавали по внешнему виду и по товару, который предлагали купить или обменять. Из Москвы некоторые, особенно девушки, прихватили с собой любимые туфли, платье, но для военного быта это становилось ненужным, а приобретать они старались добротные валенки. Зимой 1941 года снег в Ставрополе лег рано, дули сильные ветры с Волги, а в валенках холод был не страшен, да и нарушение формы одежды невелико.

По возможности слушатели института в свободное время старались написать хотя бы пару строчек своим родным. В них можно прочесть строки о том, как проходила их жизнь на учебе, чем занимались, рассказывали о впечатлениях и событиях. Вот небольшая выдержка из письма Дагаевой Татьяны Тихоновны, написанного в период учебы на курсах военных переводчиков: «Привет вам из Ставрополя...Первые дни устраивались, потом три дня занимались в санатории...Подъем у нас в 6 ч. 30 мин., встаем, когда еще темно. В 7 часов идем завтракать в столовую. Но завтракать не приходится, приходится обедать, это не очень приятно, надоедает есть одно и то же и утром и вечером...Обеды здесь очень хорошие, в тысячу раз лучше, чем в Орске. Занятия начинаются в 9 ч. утра, перед этим построение и проверка...получаем мы за эти часы очень много нового...» [35]. Обучение в Ставрополе сопровождалось еще множеством особенностей, о которых

многие упоминали в своих письмах, не всегда это были положительные моменты, но все же слушателем нравилось заниматься военным переводом.

Сами занятия проходили в райЗО (районный земельный отдел). Обучая, делали акцент не только на то, как быть военными переводчиками, но и как быть психологами, развить навыки аналитика и разведчика. Ведь от переводчиков порой требовалось не только прекрасное знание иностранного языка, но и другие навыки, которые были необходимы при выполнении поручений. Уметь правильно оценить ситуацию на поле битвы, суметь наладить контакт для допроса с противником – все это лишь помогало в сложных ситуациях.

Много времени уделяли работе с трофейными документами противника, которые мешками доставляли в Ставрополь для перевода. Так они не только улучшали свои навыки перевода, но и знакомились с особенностями терминологии врага и военной тактикой. Не оставалась без внимания и техника допроса военнопленного. От этого умения зависела разговорчивость пленного и положение дальнейших действий русской армии. Все это следовало делать по возможности в короткий срок [3].

На протяжении всего обучения и службы в армии слушатели и курсанты постоянно вели записи в тетрадях. Они не только постоянно практиковали свои языковые навыки, тренируясь и записывая информацию на вражеском языке, но и записывали различные данные, относящиеся к военному положению противника. В них могли содержаться данные о военном и техническом обеспечении немецкой армии, приблизительная численность состава подразделений, знаковые отметки и их расшифровка, отделы штаба дивизии, чины противника, особый немецкий солдатский жаргон и многое другое. Зачастую такие записи помогали в определении дальнейших действий на поле боя, а также при допросах пленных [56].

Стоит отметить, что не только студенты вели подобные записи. Преподаватели также записывали все, что было важно. В их тетрадках можно встретить вспомогательные немецкие языковые записи, приблизительные

отметки о расположении вражеских армий на той или иной территории, зарисовки карт и пояснительные записи к ним, зарисовки местности, численное соотношение и расстановка сил советской армии и так далее [57].

Несмотря на то, что обучение проходило не в самых благоприятных и мирных условиях, у всех студентов и слушателей были зачетные книжки. Если в самый начальный период войны 1939 – 1940/1941 года в них еще встречаются такие предметы как история СССР, грамматика, орфография, основы Марксизма – Ленинизма, педагогика, страноведение, литература XIX – XX вв. и другие, то уже с началом военных событий на территории СССР многие подобные предметы стали исчезать из учебного процесса и зачетных книжек. Теперь упор делался на языковые предметы: лексика и стиль, введение языкознания, теория русского языка, изучение того или иного иностранного языка, военный перевод и другие, а также военная подготовка, тактика и физкультура. Потому что военный переводчик должен был быть подкреплен не только в языковой основе, но и физически. Ведь они могли находиться в самых разных условиях и выполнять самые разные обязанности. Анализируя сохранившиеся до наших дней зачетные книжки студентов ВИИЯКА, можно сделать вывод, что студенты учились только на «хорошо» и «отлично». Будь то языковой предмет или физическая подготовка, все обучающиеся сдавали в полной мере. Стоит сделать вывод, что несмотря на все трудности, подготовка военных переводчиков была одной из наилучших [16].

По окончании краткосрочных курсов или основного периода обучения слушателям и студентам выдавались дипломы [45] и свидетельства [46]. В них обязательно отмечалось, кому выдается свидетельство или диплом, какие курсы окончил слушатель (краткие или основные), в каком году окончил, могло указываться и в каком году был зачислен, также указывалось по какой направленности проходил курс, порой указывалась и оценка за пройденные курсы.

Уже в 1941 году генерал Бязи и профессор А. Монигетти составили и издали «Краткий русского-немецкий военный разговорник». Два миллиона экземпляров этого разговорника находилось на фронте. Профессору А. Таубе принадлежит составление такого учебного пособия, как «Военный немецко – русский словарь». В него было включено множество аспектов, отраженные в диалогах, инсценировках и так далее. Там можно было узнать и об опросе пленного, действиях в той или иной местности – территории, при захвате железнодорожной станции и многое другое. Во время передислокации факультета особо отмечалась нехватка учебного материала для подготовки. Тех учебных пособий, которые успели прихватить с собой в Ставрополь, оказалось недостаточно. Тогда в институте приняли решение по изданию собственных учебно – практических пособий, которые были максимально адаптированы под складывающуюся ситуацию на фронте. Этому помогли типография и шрифты, которые были привезены из Москвы. Особой ценностью и популярностью обладал «Краткий немецко – русский словарь бранных слов и крепких словечек», который оказал неоценимую помощь при допросах и переводах. Известны случаи, когда наши разведчики в немецкой форме, изучив лишь несколько крепких солдатских выражений, проникали далеко во вражеских тыл [5]. Языковую подготовку слушатели института получали весьма солидную. Э. Янкелевич, преподававший в одной из школ нашего города, вспоминал, что не просто знали язык, но даже диалектные особенности, будь то баварский или берлинский. Несмотря на то, что учиться было нелегко, смягчению трудностей способствовала внеучебная жизнь в институте. Регулярно устраивались концерты художественной самодеятельности, как правило, на иностранных языках. Нередко они устраивались для жителей Ставрополя и ближайших колхозов. Часто перед слушателями выступали артисты Большого театра, эвакуированные в Куйбышев. Они даже взяли шефство над институтом в Ставрополе.

Есть все основания полагать, что Пальмиро Тольятти бывал в Ставрополе – на – Волге, где сначала войны размещался институт

иностранных языков. Военным выпускникам надо было знать как можно больше и о стране изучаемого языка. Начальник института Биязи Н.Н. не мог пропустить случай пригласить в Ставрополь знаменитого итальянца, тем более они были раньше знакомы. Вот Николай Николаевич через свое московское начальство и пригласил Пальмиро Тольятти выступить перед слушателями института. Конечно, под псевдонимом, документально пока это не удалось подтвердить [33].

Даже в самых тяжелых условиях факультет отправлял на фронт хотя бы частично подготовленных переводчиков для работы на фронтах боевых действий. Усердная учеба, небольшое количество часов сна не прошли даром.

Занимая такую важную роль в жизни страны, факультет был удостоен того, что 12 апреля 1942 года приказом Народного комиссара обороны СССР он был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА) [39]. Согласно тоже же приказу, в его состав вошли и военные курсы из г. Орска и Ферганы. Благодаря принятому постановлению институт был отнесен к разряду высших учебных заведений страны, что, в свою очередь, дало ему определенный статус и то, что по окончании войны слушатели, могли завершить процесс обучения и закончить курсы полностью. Соединившись со многими учебными подразделениями, военный институт производил более качественную и всестороннюю подготовку учащихся.

Уже к лету 1942 года, после соединения с другими факультетами, институт был полностью укомплектован и включал в себя два факультета: западных и восточных языков и курсов, которые предназначались для переподготовки военных переводчиков. Также летом в августе 1942 года в состав Военного института было введено еще одно отделение – отделение Главного политического управления РККА, которое занималось подготовкой офицеров – политработников, знающих иностранные языки. Спустя время отделение было преобразовано в факультет. 1500 человек – такова была

численность переменного состава института по штату, однако, уже в феврале 1943 года эта численность была сокращена до тысячи человек. Это число менялось на протяжении всего военного времени.

Преподаватели всячески старались максимально близко познакомить с историей и особенностями языка, который они преподавали и который приходилось изучать студентам института. Методике преподавания уделялось отдельное внимание, так как будущий переводчик должен был не только знать вражеский язык, но и когда того требует обстановка, суметь обучить этому языку другого человека. Грамматика была одним из ключевых моментов в изучении языка. Допросить пленного одна задача, но записать его слова надо было так, чтобы при прочтении выстраивалась целостная картина. Чтобы слушатели могли получить практику преподавания, им позволялось вести обучение на младших или краткосрочных курсах института, или же в подшефной школе. Учебных пособий и материалов редко, когда хватало, к тому же в них не было тех основ, которые были необходимы именно при допросе или переводе. Вскоре институт стал заниматься изданием собственных учебных материалов и пособий. В них старались отразить тот военный элемент, который был необходим при выполнении заданий [61].

Штатные изменения несомненно происходили на протяжении всего военного времени, потому что этого требовала обстановка на фронте и в тылу, возникала потребность в новых действующих кадрах, благодаря которым определялись дальнейшие планы расстановки вооруженных сил советской армии. Изменения коснулись и отдельных кафедр, и курсов, и подразделений. Преподавательский состав сменял друг друга постоянно, так как в этих специалистах нуждались в Москве или на фронте. Все эти изменения постоянно перестраивали процесс обучения, но это нисколько не помешало факультетам отправлять квалифицированных специалистов на фронт для перевода или допроса.

Вот как вспоминает эти учебные дни один из слушателей института И. Левин: «Работали с нами штатные преподаватели и наиболее подготовленные выпускники – Е.А. Гофман (впоследствии – переводчик на Нюрнбергском процессе, теоретик и практик синхронного перевода), А.А. Иванова, О.П. Костарева и др. Параллельно с немецким языком изучались структура немецко-фашистской армии, тактика, вооружение врага. По мере поступления трофейных документов и протоколов допроса военнопленных вводились новые предметы, создавались новые учебники...широко пользовались на фронте бойцы и командиры.» [22].

Связь с теми, кто уходил на фронт на прекращалась. Со слушателями активно велась переписка. Слушатели, ушедшие на фронт, писали трудностях, которые у них возникали и с которыми им приходилось сталкиваться в своей работе, периодически высылали захваченные документы, чтобы нынешние и будущие переводчики могли увидеть и понять, с чем им предстоит работать. Благодаря своему опыту они могли давать советы и рекомендации по улучшению подготовки переводчиков. Речь шла не только о языковых навыках, но и моральной выдержке. Не каждому удавалось психологически выдержать давление, которое оказывала война. Любой опыт, которым делились ушедшие на фронт переводчики, стал неоценимым вкладом для практической работы института. Благодаря этому складывалась собственная своеобразная школа для подготовки.

Конец 1942-1943 годов обозначили собой то, что стратегическая инициатива находилась у Красной Армии. Советские войска на огромнейшей территории – от Ленинграда до Кавказа – смогли развернуть решительное наступление. Это поспособствовало тому, что в январе 1943 года было принято решение вернуть институт обратно в Москву. Однако, свое передислоцирование осуществил лишь в октябре.

Вернувшись в столицу, институт был временно размещен в зданиях двух школ: № 497 (Котельнический переулок, дом № 5) и № 445 (ул. Кирпичная, дом № 18). С осени 1943 года институт был передан в

подчинение Главного управления кадров НКО СССР для дальнейшего распределения специалистов [42].

Уже в следующем году весной военный институт получил постоянное место своего пребывания на Волочаевской улице, а 1 мая институту в торжественной обстановке вручил Красное знамя и Грамоту Президиума Верховного Совета СССР начальник Управления военно – учебных заведений Красной Армии генерал – лейтенант Морозов В.И.

Период нахождения факультета в Ставрополе, а именно с 1941 по 1943 год, в учебной деятельности военных переводчиков был характерен тем, что обучение шло непрерывно. Занимались много, порой нагрузка была непосильная, но того требовал фронт. Не о каком выпуске речи не шло. По указанию Генштаба слушателей и курсантов почти десятками отправляли на службу [32]. Но стоит отметить, что многим, кто проходил обучение в этом институте, впоследствии выдавалось свидетельство об окончании краткосрочных или обычных курсов иностранных языков. Некоторым же, кому удалось закончить полное обучение, выдавался диплом об окончании. Возвращались в институт на учебу и работу в основном участники Великой Отечественной войны, боевые заслуженные офицеры, среди которые многие были удостоены почетных наград (Таблица 2):

Таблица 2 – Награды военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны

Количество награжденных	Награда
81	Орден Красного Знамени
14	Герой Советского Союза
405	Орден Красной Звезды
135	Медаль «За отвагу»
6	Партизанская медаль
17	Кавалер ордена Ленина
197	Орден Отечественной войны
54	Орден Славы разных степеней

Многие начали обучение с того, на чем закончили, а те, кто пришел на работу, стали «воспитывать» новое поколение будущих профессиональных военных переводчиков, рассказывая им о своем опыте и трудностях, которые приходилось преодолевать.

2.2 Деятельность и боевые заслуги военных переводчиков на различных фронтах боевых действий

Несмотря на то, что переводчики должны были акцентировать свое внимание на переводе при допросах или выявлении информации из документов, поступавших с фронтов, им приходилось включать в круг своих задач куда больше требований. В этот круг входили и сбор, и обработка сведений, и радиоперехват донесений на волнах противника, часто приходилось проникать в тыл противника, чтобы узнать, как можно больше. Кроме того, они могли выступать в роли парламентаров, занимались написанием и распространением агитационных листовок, которые были написаны на языке противника. «Военный переводчик на фронте всегда одним из первых узнавал о противнике, и в связи с этим на нем лежала большая моральная ответственность. Он был обязан безукоризненно знать язык, военную терминологию и организацию армии противника, уметь правильно перевести документ противника и составить протокол допроса военнопленного. Как показал опыт, военному переводчику приходилось зачастую в порядке взаимозаменяемости выполнять самостоятельно многообразные обязанности офицера штаба, вытекающие из конкретной боевой обстановки..» [59]. Зная 14 языков, Биязи и сам рассказывал и рассуждал о подобных компетенциях военного переводчика. Следуя им,

переводчик мог в условиях боевых действий провести свою работу качественно. Среди таких компетенция генерал – лейтенант отмечал, в первую очередь, опрос пленных, который в ряде случаев мог включать в себя и разговор с местными жителями на территориях, оккупированных вражеской стороной. Знание грамматики и наличие словарного запаса нужных слов и военного жаргона, который постоянно должен был пополняться, непременно должны были сопровождать переводчика на протяжении всех военных действий.

Тактика ведения допроса пленного всегда должна была быть построена так, чтобы можно было выудить как можно больше информации у допрашиваемого. Любая мелочь имела важное значение. Поэтому при разговоре с пленным допрос начинался с расспрашивания в первую очередь его имени, фамилии, должности и воинского звания, а также подразделения и части, в которой он служил. Эти сведения следовало сверить с солдатской книжкой – главным документом, удостоверяющим личность. Далее необходимо было узнать возраст пленного, где он родился, какое получил образование, каково семейное положение, место жительства родственников, каков образ жизни и его сфера деятельности до того, как оказался в армии, принадлежит ли к нацистской партии. Это позволяло наладить общее знакомство с собеседником, налаживая контакт, чтобы знать, кто сидит перед тобой и в следствии чего, предугадать его поведение и действия. После выяснения биографических данных, следовало обязательно узнать численность вражеских подразделений, моральное состояние войск, нумерацию, расположение огневых точек и наличие оборонительных сооружений, узнать, какова обеспеченность боеприпасами, горючим, дислокацию резервов, штабов, баз снабжения, состояние дорог. Полученная информация должна была подвергаться критике и тщательно проверяться, чтобы максимально точно понимать положение дел и быть готовым без домыслов и опасений.

Помимо всего прочего изучение политического и морального состояния войск противника тоже являлось неотъемлемой частью разведывательной деятельности. Содержание допроса строилось исходя из окружающей обстановки. Для такого допроса шаблона не было, так как приходилось подстраиваться под каждого допрашиваемого по-своему. Здесь уже играл психологический фактор. При таком допросе у пленного обычно узнавали условия боевой жизни, в каком состоянии находятся войска (боевом и моральном, какие настроения наблюдаются в армии, каков состав и прочее. Все это старались выстроить в понятной форме для пленного, учитывая то, на какие вопросы он может ответить или в чем разбирается. Исходя из ответов, полученных при допросе, уже складывалась целостная картина, которая позволяла офицеру – разведчику сделать правильные и нужные выводы для дальнейших действий.

Начало войны, в свою очередь, характеризовалось тем, что из – за малого количества пленных, которые попадали к советским солдатам, допрос зачастую устраивался с особым пристрастием – выясняли и расспрашивали каждую мелочь, которая могла бы показаться важной и значимой. К концу войны количество пленных увеличилось в разы, будь – то солдаты, сдавшиеся добровольно, или же захваченные в плен. Тогда уже времени на доскональный допрос не хватало. Из-за этого менялся и характер, и способ допроса, который приходилось подстраивать под ситуацию. В такие моменты, оперативно построенные процесс допроса был важен, чтобы среди огромного количества информации и пленных не упустить то самое важное, ценную информацию. Постоянно приходилось адаптироваться и придумывать новые методы и способы допроса, чтобы это было понятно для допрашиваемого и действительно для того, кто вел допрос. Все тот же фронтовик Левин так комментировал изменяющиеся схемы допросов: «Применяя производственный термин, можно сказать, что от штучной работы мы перешли к конвейерному способу» [22]. Военный переводчик О.И. Грабарь в своих автобиографичных рассказах также вспоминает о

«конвейерном способе» ведения допросов в 1943 году: «Во время наступления, когда немцы стали сдаваться в плен целыми группами, а запасы бумаги начали пополняться за счет трофейных складов, пришлось сочинить нечто вроде бланков – анкеты из 10 – 12 несложных вопросов и, размножив ее под копирку, раздавать основной массе пленных, а для допроса отбирать одного – двух человек» [12].

Особые требования были и к протоколам допросов, которые должны были составлять военные переводчики. Основными критериями, которыми руководствовались военные переводчики при их написании составляли лаконичность излагаемого материала, грамотное написание, а также хронология и последовательность описываемых событий. В конце каждого протокола переводчик должен был выделить основные выводы допроса с их оценкой на достоверность. За составление и содержание таких протоколов отвечал сам военный переводчик.

Несмотря на то, что пленный был из армии противника, к ним старались не применять насильственных действий. Угрозы и рукоприкладство были строго запрещены. Человек, испытавший на себе жестокость войны, и воспитанный в духе нацистской пропаганды, не охотно стал бы сотрудничать в атмосфере насилия. Запугивание редко давало стоящих результатов. Поэтому, попав в плен к советской армии, немецкий солдат считал подарком судьбы человеческое отношение к себе, хоть и понимал, что скорее того не заслуживает. Про применение подобных, человеческих методов допроса вспоминал И.Я. Биск: «К захваченным пленным мы никогда не применяли физических методов воздействия. Если кто-либо из случайно оказавшихся на допросе высоких начальников спрашивал меня, не применить ли таковые к пленному, который, с его точки зрения, не дал ценных сведений, я отвечал, что это психологически не оправдано и не рационально: мягкими сочувственными разговорами о доме и близких пленного с последующим замечанием, что он их еще увидит, если будет правдив, мы добивались гораздо лучших результатов» [4].

Зачастую каждая минута была на счету, поэтому более трепетно приходилось относиться и допрашивать раненого пленного, для этого нередко приходилось выступать и в роли медсестры.

Но военным переводчикам приходилось работать не только с военнопленными. Практически каждый день советским солдатам удавалось захватить вражескую документацию, так называемые трофейные документы. Среди них встречались: приказы, солдатские письма и записи, отчетные карты и многое другое. В них могли содержаться важные данные и ценная информация, которая несомненно учитывалась при переводе и допросах. Так, занимаясь переводом таких документов, военный переводчик мог узнать о планах противника, нумерации его частей, численном составе и так далее.

В число компетенций, которые составляли работу переводчика, входила и работа по систематизации поступающей документации с фронта. Вначале все документы распределяли по важности и срочности, затем уже в зависимости от того, какая информация имеет особую ценность в данный момент, переводили на русский язык. Эту работу в большинстве случаев доверяли наиболее подготовленным, хорошо знающим обстановку старшим военным переводчикам [7]. Лишь иногда, когда была сильная загруженность, отправляли помогать чуть менее опытных специалистов. Разобравшись с поступившим материалом, его сортировали, а после отправляли в место назначения (объединения, штабы или соединения).

Кроме основных обязанностей, таких как, ведение допроса, перевод и разбор документации, переводчикам нередко приходилось проявлять свои навыки на рациях перехвата информации из эфира противника. Для этого в основном применялась трофейная аппаратура, которая позволяла без особых трудностей настраиваться на волны вражеских сил в диапазоне «батальон – полк – дивизия». Перехваченная информация, а в дни ожесточенных боев информация проходила без кодировки, сразу же передавалась по телефону или по рации командованию, которое уже принимало решения исходя из полученных данных о противнике.

Одной из важнейших обязанностей для военных переводчиков являлось написание различных листовок и воззваний для воздействия на врага [23]. Чтобы доносить свои послания немецким солдатам, в ход шли громкоговорящие установки. Таким образом, при помощи печатных или устных обращений оказывалось моральное воздействие на противника. Работа была крайне сложной. Требовалась серьезная подготовка. Она была сложнее, чем у обычных переводчиков, которые вели допросы и переводили. Во многом от них зависело насколько успешно пройдет фронтовая пропаганда и дальнейшая возможность ведения переговоров с противником. Особую значимость играли диалектические нюансы, которые встречались постоянно на пути переводчиков.

Для переводчиков, выступающих в роли дикторов и рупористов, их боевые задания не всегда заканчивались благополучно. Многие, находясь у микрофона на боевом посту, погибали, не успев передать информацию, которую успели перехватить. Их деятельность всегда зависела от обстановки, а точнее тексты воззваний, которые они доносили. Содержание зависело от многих факторов, таких как, качество и информативность добытых сведений, длительность боевых действий, условия, в которых они находились и прочее. Е. Ржевская, бывшая военным переводчиком и впоследствии ставшая отечественным литератором, выполняла и обязанности рупориста, вспоминает об одном из подобных обращений к врагам: «Наша ненависть и наш мороз будут преследовать вас! Сдавайтесь, немецкие солдаты!» [45].

Написание реферативных и обобщающих работ для переводчика тоже являлось основной деятельностью. Чтобы правильно и точно составить такую важную отчетность, переводчик постоянно должен был повышать свои навыки, а именно: уметь обобщать и анализировать, повышать языковые знания, быть в курсе новшеств противника и другое. Переводчик должен был из множества документов выделить главное, проанализировать, собрать воедино и сделать из этого четкий доклад с выводами.

Приступая к выполнению своих обязанностей в тылу или на фронте, переводчики часто сталкивались со множеством проблем. Даже те, у кого была сильная школьная или/и вузовская подготовка, отмечали такие моменты.

Наличие множества диалектов в немецкой речи практически постоянно осложняло работу военным переводчикам. Даже хорошо подготовленному специалисту приходилось нелегко, когда на допросе пленный отвечал на вопросы, но разобрать его слова было невозможно. Самим немцам порой приходилось непросто. Находясь в армии, среди своих же, разговаривая на одном языке, но со своими диалектными особенностями, они не могли понять друг друга. Приходилось вновь обращаться к учебным материалам, чтобы вести перевод. Одну такую историю вспоминает И.Я. Биск: «Лишь в 1942 году я так плохо понимал допрашиваемого, что спросил, на каком языке он изъясняется. Когда смысл этого вопроса дошел до него, он с улыбкой на лице до ушей произнес: «Но господин старший лейтенант, я ведь шваб: настоящего шваба вообще никто понять не может»» [4]. И. Левин вспоминал, что многие строили ответы так, чтобы никто ничего не понял или понял неверно, встречались и такие, которые откровенно проявляли наглость, говоря о каких-то конвенциях, требовали теплых помещений, еду и сигареты [22].

Возникали трудности и при обработке трофейных документов, таких как, листовок, перехваченных писем между собой и на Родину, солдатских книжек. Ведь немцы писали сложным готическим шрифтом, которому военных переводчиков не обучали, а армейская переписка чуть ли не один важнейших источников. А.А. Синклинер говорил о том, что учиться приходилось на ходу, глядя на алфавит в словаре, переводить написанное, изучать сокращения терминов, которые немцы постоянно использовали не только в документах, но и в разговорах [49].

И.О. Грабарь выделяет в качестве ценного трофейного документа личные дневники вражеских солдат. «Редко какой немецкий солдат не вел на

фронте дневник. Потребность фиксировать все происходящее не зависела ни от образования, ни от места действия. Записи велись по пути следования, в полевых условиях... Они не пестрели разнообразием, но вместе с тем отличались необычайной точностью, будто перемещение и пополнение части, огневой налет русских, настроение среди солдат или предстоящий отпуск, полагавшийся в Германии каждому фронтовику» [12].

Военный переводчик обязан не только прекрасно владеть навыками перевода, допроса и подобного, но и быть психологом. Во многих мемуарных произведениях отмечается то, что в допрашиваемых видели прежде всего людей, с ужасным прошлым и настоящим, но людей, при допросе которых необходимо было учитывать и морально – психологическое состояние, социальный и армейский статус, образование. Каждому военному переводчику есть что вспомнить о тех или иных казусах, которые возникали в начале войны, когда еще были слабые знания немецкого языка, его военной специфики.

Как отмечали многие военные переводчики, главное при допросе пленных – дифференцированный подход. Встречались разные пленные: матерые гитлеровцы, СС-вцы, солдаты, генералы, кадровые военные, новобранцы, перебежчики и антифашисты и пр. И в каждом случае требовалась «своя тональность допроса».

Все авторы воспоминаний по опыту своей фронтовой переводческой деятельности сформировали представление о типах военнопленных, основываясь на психологии пленных, их поведении, степени уверенности в себе, уровне образования и прочее. С учетом этих знаний выстраивалась тактика ведения допроса, оценивалась целесообразность индивидуального допроса либо проведения группового анкетирования по заранее подготовленным опросникам.

Многие отмечают, что если в 1941 – 1942 годах попавшие в плен гитлеровцы были наглыми, фамильярными, уверенными в себе и фюрере типами, то после Сталинградского разгрома немцы выглядели

деморализованными, угодливо уверяли, что «Гитлер капут» [4]. В.В. Карпов дает образную «ранжир – характеристику» попавших в плен гитлеровцев: «фанатики» - их численность заметно сокращалась по мере неудач гитлеровских войск; «мыслящие» - тип пленных, который активно стал пополняться после поражения немцев под Москвой; «размазня» - готовые на любые переговоры деморализованные пленные, после Сталинграда их становилось все больше [19]. Эти особенности в поведении также учитывались переводчиками в ходе ведения допросов и обработки трофейных документов.

На первых порах трудности возникали и по причине поло – возрастной принадлежности переводчиков: большинство из них были молоды, кроме того, среди военных переводчиков много было девушек и женщин. Т. Иевлева, в 1941 – 1942 годах переводчик разветотдела штаба фронта, вспоминает: «Пленные – а все они были старше меня, люди, пережившие, может быть не единожды страх смерти, ужасы окопной жизни – вдруг оказывались не перед грозным офицером пленившей их армии, а перед вчерашней студенткой, но в командирской форме.

Кадровые военные, вымуштрованные дисциплиной вермахта, прежде всего обращали внимание на «кубики» в петлицах гимнастерки и вытягивались «во фронт», как положено перед офицером. Это приводило меня в замешательство, как и вытягивание по стойке «смирно» наших красноармейцев, ибо в основном они были тоже старше меня по возрасту.

Другая часть пленных, вероятно, из некадровых военных, недавних штатских, реагировала на встречу с офицером – женщиной в соответствии со своими гражданскими привычками. Они нередко обращались ко мне со словом «Fraeulein» (барышня).

Тексты вопросов у меня были заготовлены заранее, но нужно было преодолеть это галантное «Fraeulein», чтобы пленный видел перед собой офицера побеждающей армии, а не барышню у кинотеатра» [55].

«Когда началась Великая Отечественная война – вспоминает Фролова Тамара Александровна – я, как и все мои сверстники, думала о том, как бы помочь своему народу, внести какой-то вклад в общее дело. Я поступила на курсы военных переводчиков и, закончив их, с весны 1943 года оказалась на фронте. Мне довелось выполнять необычную и интересную работу. Я участвовала в допросах военнопленных» [26]. Чтобы добиться от пленного результата и разговорчивости, надо было с ним разговаривать на немецком языке. Важно было не просто знать другой язык, но и наладить контакт. Выяснялась и вся боевая обстановка противника, который стоял перед дивизией. Особенно это было важно тогда, когда наши части находились в обороне и готовились к наступлению.

Весна 1944 года. Наша 51 армия освободила Украину вместе с другими частями и подошла к Крымскому перешейку. Перешеек был «перегорожен» полу-разрушительным старинным укреплением, так называемым Турецким валом. Фашисты не хотели отдавать Крым и, перейдя Турецкий вал, перешли к обороне. Им удалось построить несколько линий глубоких и хорошо укрепленных траншей. Северная часть Крыма – подойти к противнику скрытно не было возможности. Почти всю зиму дивизия провела перед валом. За это время противник, конечно, менял позиции артиллер и получал подкрепление, и, возможно, отводил какие-то части, менял командование. Но русской армии об этом не было известно. А знать надо было обязательно, чтобы наступление, к которому готовились, не было вслепую. Нужно было допросить какого-нибудь схваченного пленного. При штабе дивизии была развед. рота, в которой и были те смелые ребята, задача которых состояла в добывании «пленных». И вот эти ребята едва ли не каждую ночь ходили в «поиск». Но подойти незаметно к немецким траншеям не удавалось. Ведь им нужно было не только незаметно подползти, но и самое главное, совершенно бесшумно вынуть из окопа или траншеи живого человека и доставить его в штаб. Каждый поиск стоил две – три жизни наших бойцов. Противник

обнаруживал разведчиков, открывал огонь, приходилось возвращаться не только без «языка», но с убитыми или ранеными. Успеха долго не было.

Но помогла погода. 31 марта, ночью вдруг пошел сильный снег, и в эту снежную круговерть, когда и противник, и наши бойцы старались спрятаться поглубже в окопах и землянках, наши разведчики подкрались к траншеям противника и вытащили оттуда заснеженного, ничего не понимавшего немца. Утром снег начал сходить, а в штабе уже допрашивали пойманного противника. Все стало ясно: и какие части перед нашей армией, и где стоят пушки, как укреплены позиции и многое другое.

«Март 1943 года. В районе Белгорода немцы начали подготовку к наступлению. Работа проводилась масштабная: маскируя сосредоточение войск, немецкое командование демонстрировало отвод частей с передового края, вывело в тыл ряд танковых дивизий СС, перебазировало работу своей радиосети. Многие военнопленные упорно утверждали о наступлении где-то южнее Белгорода. Однако, разведывательные данные говорили о том, что противник собирается действовать севернее Белгорода, наносить удар по Курску. Было необходимо еще раз удостовериться в данных. Ночью, на 14 июля в округе восточнее Трефиловки разведчики нашей армии взяли в плен немца, который показал, что им уже был выдан сухой паек, что уже являлось важной информацией. Проговорившись об этом, захваченный вынужден был рассказать о том, что солдатам был зачитан приказ Гитлера о наступлении утром 5 июля. Сведения немедленно были переданы командованию армии и фронта. Показания других захваченных военнопленных и наблюдения передовых частей подтвердили информацию о готовящемся переходе в наступление Белгородской группировки немцев. Стало также известно время перехода в наступление – 4 часа утра 5 июля» [25].

Не всегда отправленные на фронт переводчики оказывались хорошо подготовлены к своей работе. Иной раз, когда переводчики были необходимы на поле боевых действий, на курсы отправляли запросы на высылку специалиста. Молодой студент, только – только поступивший на

службу военного переводчика должен был отправляться на выполнение задания, так и не успев узнать все основы деятельности переводчика. Нередко это вело к потере времени, перехвату боевой инициативы противником и людским потерям. Во время боев на Курской дуге начальствующему составу приходилось постоянно вмешиваться в ход боевых действий, чтобы не позволить силам вермахта взять инициативу в свои руки. В один из таких дней начальнику разведки пришлось срочно покинуть штаб и отправиться на фронт, оставив в штабе только одного военного переводчика, который занимался своей работой. Однако, когда начальник разведки вернулся обратно в штаб, он заметил, что на полу в углу лежит множество захваченной документации противника с фронта. Переводчику был задан вопрос о том, что содержится в этих книжках, на что переводчик дал ответ, что их привезли еще утром, но он не успел заняться их изучением из – за большой загруженности. «Кто же вам дал право задерживать просмотр документов на целый день? Ведь это книжки атакующих подразделений противника», - возмутился начальник разведки и стал быстро пересматривать документы [54].

В этих документах оказалась информация о том, что противник намеревался ввести в бой новое танковое соединение, что могло бы в корне повернуть положение дел на поле действий. Так по вине переводчика командование не было своевременно поставлено об этом в известность [7]. На счету была каждая минута, а из – за несвоевременного доклада информации было потеряно время для координирования действий советской армии.

Когда со второй половины ноября в 1942 году нашим войскам удалось развернуть успешное наступление, военные переводчики стали принимать всяческое участие по расстройству войск противника – они начали издавать различные специальные листовки, в которых призывали противника сложить оружие, прекратить сопротивление, предоставить всю необходимую информацию, или же сдаться в плен добровольно. Для таких целей, чтобы

обезопасить себя и не лезть на рожон, они использовали рупоры, чтобы противник лучше воспринимал требования. Обычно передавались краткие, легко запоминающиеся короткие фразы, например – «Внимание! Внимание! Не стреляйте! Слушайте правда о положении ваших войск. Вы полностью окружены. Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь в плен». Такие незатейливые речевки способствовали тому, что в плен сдавались немецкие солдаты целыми группами вместе со своими офицерами. Применяя такую тактику воздействия на врага, советской армии удавалось «разоружить» его практически изнутри. Многие просто не выдерживали давления и сдавались без всякого сопротивления. Таким образом, удавалось обойтись без людских потерь. Поэтому, данная практика стала применяться довольно часто, однако, лишь в тех случаях, когда это действительно было возможно. Такую работу с распространением листовок и донесение требований через рупоры активно использовалась в Белорусской операции и Сталинградской битве.

Однако, от переводчика порой требовалось не только прекрасное знание языка противника, но и психолого-аналитические навыки. Ситуации возникали разные, и вовремя сориентироваться, найти подход к разговорчивости пленного, играло важную роль.

Порой, чтобы добиться от человека информацию, военным переводчикам приходилось прибегать к психологическим воздействиям. Это был еще один особый фактор работы переводчиком. Необходимо это было для того, чтобы установить контакт с пленным. Так они становились разговорчивее и с ними было проще вести диалог. Однажды на первом Украинском фронте советские солдаты увидели человека в гражданской одежде, который плохо изъяснялся на русском языке. При разговоре с ним удалось выяснить, что он немец. Какие бы вопросы ему не задавали, он только отвечал, что просто заблудился и ничего не знает, не понимает, о чем речь. Тогда одному из солдат пришла мысль, чтобы его разговорить, спрашивать у него про его жизнь до армии. Чем он занимался, где учился, что получалось лучше всего и так далее. В следствии таких незатейливых

вопросов удалось выяснить, что он всю жизнь имел дело со взрывными работами. Тогда солдат, проанализировав ситуацию и рассказ пленного, выдал: «У вас вся жизнь связана со взрывными работами. Думаю, что и сейчас вы хотели что-то взорвать». После этого немецкий солдат признался в том, что они действительно собирались провести взрывную работу с одним из мостов, который находился недалеко. Сразу же солдаты советской армии отправились осматривать территорию, на которую указал пленный, и обнаружили еще двоих немцев, которых тоже взяли в плен. Таким образом, диверсия была предотвращена.

Проникновение в тыл врага тоже являлось частой практикой среди военных переводчиков. Когда шли боевые действия, в так называемом Курляндском котле, который располагался на территории Латвии, солдаты нашей армии смогли блокировать одну из группировок немцев. У противника была создана слишком крепкая оборона, и советским солдатам попросту невозможно было прорваться через нее, тем более незамеченными. Однако, ведя наблюдения за этой территорией, было замечено, что немцы начали движение на одном из участков фронта. Тогда было принято решение отправить на разведку военного переводчика.

Его переодели, помогли перейти линию фронта и выйти в указанный район. При наблюдении особых изменений не было выявлено. Но как оказалось позже, днем наблюдалось продвижение немцев к району своего сосредоточения, но уже ночью заметили, что немецкие солдаты возвращали свои колонны на прежние позиции. Так раскрылось, что это был специальный тактический ход для того, чтобы противник не узнал настоящего места сосредоточения сил. Но, выполняя эту разведывательную операцию, переводчик был обнаружен немцами. Ему пришлось убежать, а чтобы сбить их со следа, нырнул в воду. Вода оказалась ледяной, но состояние, в котором находился переводчик, не позволяло ему это почувствовать. Подобравшись к нейтральной полосе, его оглушил удар по голове, и взяли в плен свои же. Из-за невнятной русской речи и одежды они

приняли его за власовца. Тогда его решили отвезти в штаб, где уже он рассказал о том, что с ним произошло, и каковы результаты его разведки командующему армии, его отправили в госпиталь и согрели. После был награжден орденом.

Прикарпатье, в апреле 1944 года лейтенант И.-Э. Рахманкулова шла в деревню Гуков допрашивать пленных. Разыгрался сильнейший снегопад. Снежной лавиной накрыло девушку с головой, и она пролежала под сугробами около пяти часов. К счастью на снежной поверхности после падения остался ремень от планшетки. Он – то и зацепился за колесо проезжающей полевой кухни. Изюм-Эрик привезли в деревню. Но только после допроса пленных и оформления всех документов она согласилась, чтобы ее оттерли гусиным жиром, положили на зерно и укрыли тулупом. Но было поздно, ноги отморожены, в медсанбате она потеряла сознание. Очнулась спустя две недели. Но война есть война. В сентябре того же года продвижение дивизии, где она служила, сдерживал опорный пункт противника на окраине одного села – там, в двухэтажном толстостенном здании, засел штаб немецкого батальона. Изюм-Эрик пишет фашистам ультиматум о бесполезности сопротивления и об условиях сдачи. Гитлеровцы с дальнего перевала открыли заградительный огонь.

С группой разведчиков Изюм-Эрик проползла под огнем в капитулировавший немецкий штаб. Но мало только принять очередных пленных. Они владеют столь важной оперативной информацией. Там же в подвале начался допрос. Один из немецких штабистов, капитан, как выяснилось, был не равнодушен к классической поэзии. Словно позабыв, что вокруг рвутся снаряды, а рядом ожесточенный враг, Изюм-Эрик начала читать стихи Гете и Гейне на немецком языке. До конца было не ясно, что именно повлияло на немца – красота юной девушки или ее эрудиция, но контакт был установлен, и в ходе допроса он дал исключительно важные сведения. Именно на основании этих данных были произведены успешные артиллерийские и авиационные налеты, после чего полк получил

благодарность Верховного Главнокомандующего, а Рахманкулова Изюм-Эрик – орден Красной Звезды. После чего, чуть позже начальник разведки 1 – й Гвардейской Украинской армии полковник Чеченцев в присутствии командующего генерал – полковника А.А. Гречко сказал о ней: «Этот самый молодой офицер, старший лейтенант, стоит целой дивизии» [24].

Таким образом, можно сделать вывод, что во время войны переводчикам приходилось выполнять помимо своих прямых обязанностей дополнительные. Они всегда были готовы отправиться под прикрытием в тыл врага, ежесекундно устроить допрос пленного, заняться переводом важных документов, от которых зависело положение русской армии, выступить в качестве парламентаров, дабы оказать воздействие на врага. Обладая навыками анализирования, умение вести диалог не просто на иностранном языке, но и на языке психологического воздействия, военные переводчики оказывались незаменимыми людьми всегда. Многие не успевали закончить полный курс обучения, их группами призывали на фронт для помощи. Но их было мало, и от этого они становились еще ценнее. Выполняя свою работу, они всегда стремились в гущу событий, где могли бы принести пользу. Характер и качество работы военного переводчика на протяжении всей Великой Отечественной войны трансформировались и совершенствовались. Им приходилось много времени проводить за изучением словарей, справочников и других материалов, чтобы улучшать навыки перевода. Трансформировалась и техника их деятельности, вырабатывалась система слаженности для безукоризненного выполнения задач. К концу войны эта система переводческой деятельности настолько была налажена, что вырабатывала собственные схемы и уникальные методы для военных переводчиков. Выполняя свою работу, каждый военный переводчик смог заслужить авторитет и уважение, как среди своих «коллег», так и среди высшего начальствующего состава.

Многие из них потом смогли передать свой опыт военных лет следующим поколениям, которые поступили на учебу в военный институт

иностранных языков. Студенты, слушая не только лекционные курсы по методическим пособиям, но и рассказы преподавателей о реальных жизненных ситуациях, с которыми тем приходилось сталкиваться, получали огромных масштабов знания.

Заключение

В российской истории Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. навсегда останется событием, о котором будут говорить еще очень долго. Миллионы людей отдали свои жизни за мирное небо над головой, сражаясь с солдатами Вермахта. Несмотря ни на что, советские солдаты рвались в бой и не отступали до последнего. О подвигах Красной Армии и простого советского народа написано очень много. О них писали, о них пишут и будут продолжать писать.

Однако, даже при такой освещенности данной темы, нельзя не отметить, что «белые пятна» в истории присутствовали всегда, и будут присутствовать еще очень долго. Одной из таких «белых пятен» стала страница истории о военных переводчиках в годы Великой Отечественной войны.

А ведь переводчики появились еще задолго до этих событий. Просветительская деятельность, окультуривание народа, нужда в понимании священных писаний привели к тому, что начала зарождаться переводческая деятельность на Руси. Распространяясь, она уже стала неотъемлемой частью жизни государства и народа. По началу она служила религиозным целям и была доступна лишь единицам. Со временем пользу переводческой деятельности оценили на другом уровне. В переводчиках стали нуждаться не только в качестве религиозных «служителей», но и на внешнеполитическом поприще. События, происходившие в то или иное время, стали требовать дипломатических урегулирований и перевода важных переговоров или документов. Это в свою очередь сослужило немалую службу для налаживания контактов с соседскими странами. Переводчиков стали ценить еще сильнее, в них нуждались. Приглашая заморских переводчиков или с княжеского двора, государство всячески стремилось содействовать развитию перевода в государстве. В дальнейшем это можно заметить в Посольском приказе. Именно в нем стала развиваться структура переводчиков на нужды государственной деятельности.

В дальнейшем благодаря Петру I переводческая деятельность получила свое существенное развитие. Были приняты указы и распоряжения, по которым упорядочивалась переводческая деятельность России, требования к ней и прочие положения. Если до этого, переводческая деятельность была подконтрольна церковным организациям, то с этого момента она становится подконтрольной государству, становится светской деятельностью. Что не могло не отразиться на ее развитии в дальнейшем.

Переводческая деятельность нашла свое отражение не только в государственной службе, но и в литературном просвещении. Многим писателям и поэтам были интересны заграничные произведения, и они с радостью занимались их переводом не только для себя, но и для всего народа. Также уделяли внимание и переводу собственных произведений для иностранных читателей, тем самым обмениваясь не только писательским талантом, но и произведениями художественной литературы, которые стали известны и популярны не только при них, но и дошли до наших дней.

Надо отметить, что с развитием переводческой деятельности развивалось не только политическое положение государства, окультуривание народ, но и формирование грамматических, морфологических, синтаксических основ языка при переводе. Это помогало делать перевод и сам текст проще и понятнее. К тому же многие стремились к максимальной приближенности текста первоисточника. А для этого было необходимо не только в превосходстве знать переводимый язык, но и учитывать его особенности построения, значения и многое другое. Этому уделялось тоже много времени.

И вот спустя многие века, через которые прошло формирование переводческой деятельности, в переводчиках, как никогда, стали нуждаться на войне. Однако, не просто переводчиках, а военных. Способных заниматься переводом в самых сложных ситуациях. К тому же упор стал делаться не только на письменный перевод, который был крайне важен, но и

на устный. Как, например, при допросе пленного или переговорах с враждующей стороной.

Тогда-то военный перевод получает новую специфику развития. Создаются специальные учебные заведения, учебные материалы для подготовки. Одной из таких учебных структур и стал военный факультет, который впоследствии стал значительно реорганизованной структурой и стал называться институтом. Начиная с довоенного времени и заканчивая окончанием войны, всего было подготовлено около 5000 тысяч военных переводчиков. Более 2500 тысяч военных переводчиков были подготовлены благодаря Военному институту иностранных языков Красной Армии. Их подготовка являлась одной из самых лучших и эффективных среди других учебных подразделений для изучения иностранных языков. Благодаря нему у советской армии были военные переводчики, которые несмотря ни на что, с честью и упорством выполняли поставленные перед ними задачи. Это достойно уважения. Это достойно того, чтобы их помнили.

Многие из военных переводчиков после войны смогли реализовать себя в самых разных областях: киноиндустрия, писатели, историки и другие. Однако, среди многочисленных героев военных переводчиков стоит отметить прадедушку директора Гуманитарно-педагогического института Лившица Юрия Анатольевича. Его прадед – Янкелевич Эммануил Абрамович – 1903 года рождения, Украинской ССР, Одесской обл., г. Одесса, оказался не только участником боевых действий в Великой Отечественной войне, но и выполнял работу военного переводчика, окончив курсы Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА) в г. Ставрополь Куйбышевской области. Находясь в звании младшего лейтенанта в РККА с 1941 года, за время работы в полку показал себя способным и умелым переводчиком. Даже будучи раненым в 1944 году оставался на работе, обеспечив этим самым предоставление своевременно штабу дивизии и вышестоящему командованию важных материалов о противнике. Материалы допросов явились большим вкладом в деле

разрешения боевых задач командования. За заслуги был представлен к правительственной награде Орден «Красной Звезды» (1945 г.) и был удостоен медали «За боевые заслуги» (1944 г.). Спустя многие у него брали интервью о тех временах, когда он обучался в военном институте иностранных языков. Он отмечал, что языковую подготовку слушатели получали достойную. Более того, знали даже диалектные особенности изучаемых языков, тогда как просто выучить новый язык не всегда давалось легко.

В конце следует сказать о том, что война была и осталась страшным событием. Она унесла множество жизней, для многих она осталась в жизни страницей полной боли и ужаса. И пока мы помним о всех тех, кто пережил это, кто стоял до последнего, защищая свою Родину и народ, кто не побоялся взглянуть смерти в глаза и остаться на поле боя, они среди нас. Так они будут жить в нашей памяти и памяти наших потомков еще очень долго. Ими будут гордиться. О них будут говорить.

Список используемых источников

1. Алексеева И.С. Введение в переводовведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия». 2004. 352 с.
2. Ахтамбаев Р.П. Особенности речевой культуры в работе военных переводчиков // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2014. №1 (13). С. 5-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-rechevoy-kultury-v-rabote-voennyh-perevodchikov>. (Дата обращения: 25.02.2020).
3. Банман П.П. Военный переводчик: требования и компетенции // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2 (12). С. 106-112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/voennyy-perevodchik-trebovaniya-i-kompetentsii>. (Дата обращения: 25.02.2020).
4. Биск И.Я. Мой XX век. Записки историка / Иваново, 2003. 284 с.
5. Бойко Б.Л. Военная лексика в речевом обращении // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 44-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/voennaya-leksika-v-rechevom-obshchenii>. (Дата обращения: 25.02.2020).
6. Велединская С.Б. Курс общей теории перевода: учебное пособие / С.Б. Велединская; Томский политехнический университет. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета. 2010. 230 с. URL: http://window.edu.ru/resource/968/73968/files/kurs_ob_ter_perev.pdf. (Дата обращения: 25.02.2020).
7. Верников С. М. Записки военного переводчика / Издание, 3-е дополненное. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. 136 с. URL:

- http://militera.lib.ru/memo/russian/vernikov_sm/index.html. (Дата обращения: 25.02.2020).
8. Ворожихина Н. Школа военных переводчиков // За коммунизм. 1987. 5 июня. С. 7.
  9. Воспоминания Булочникова М.В. – кп. 3951.
  10. Гаврилов Л.А., Курапова Е.А., Торсуков Е.Г. Подготовка переводческих кадров в России (к истории вопроса) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 2. С. 125-135. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21807578_21658913.pdf. (Дата обращения: 25.02.2020).
  11. Гарбовский Н.К., Мишкурин Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 16-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/voennyy-perevod-v-sovremennom-mire-teoretiko-metodologicheskie-lingvisticheskie-voenno-istoricheskie-i-sotsialno-politicheskie>. (Дата обращения: 25.02.2020).
  12. Грабарь О.И. Глазами военного переводчика. Рассказы // Человек. 2003. С. 168-180. № 1.
  13. Ефимов Н.Н. 100 лет Военному университету Министерства обороны Российской Федерации // Красная звезда. 2019. 5 ноября. С. 1-7. Специальный выпуск.
  14. Записка о посещении ВИИЯКА старшим инспектором Красной Армии по иностранным языкам генерал-майором Игнатьевым А.А. – нв. 3492/1-3.
  15. Зачетная книжка № 2144 Азарха Льва Сергеевича Военного института иностранных языков Красной Армии от 11/1 – 1946 года. Содержащий отметки о сдаче экзаменов и зачетов по дисциплинам за 6 лет обучения, - в т-красном медерининовом переплете. – кп. 7958

16. Зачетная книжка № 300 на имя Бебурова Юрия Вардановича, выдана ВИИЯКА в Ставрополе 8.6.1943. – кп. 8355.
17. Зачетная книжка студентки 2го Московского государственного педагогического института иностранных языков Гершензон Марьяны Марковны – военного факультета. Годы учебы: 1936, 1938-40; 1941-42 гг. Выдана 25/VII – 1940 г. Цвет обложки серый. Золотым тиснением напечатано: «Народный комиссариат обороны СССР», наверху – звезда. Ниже, более мелким шрифтом «Военный факультет при 2^м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Еще ниже крупно: Зачетная книжка. – кп. 7868.
18. Иванов В. Интеллектуалы санатория "Лесное" // Вольный город. 2005. 18 марта. С. 13-15. № 17.
19. Карпов В.В. Судьба разведчика. – М.: Вече, 2000. – 512 с. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/karpov2/index.html>. (Дата обращения: 25.02.2020).
20. Котельников В. Граф, генерал, писатель // Опаринская искра. 1973. 28 июля. С. 2. № 90 (3303).
21. Краснов Г. Пути и судьбы. Две фотографии из архива // Уральский рабочий. 1973. 23 мая. С. 4. № 27.
22. Левин, И. Записки военного переводчика / И. Левин. – М.: Московский рабочий, 1986. 287 с.
23. Листовки агитационные, выпущенные советскими разведорганами во время Великой Отечественной войны. – кп. 7867.
24. Лобанова Н. Лейтенант, который стоит дивизии // Деловая дама Тольятти. 2005. Апрель. С. 21. № 2 (21).
25. Лобанова Н.Г. Центр подготовки военных переводчиков //Ставрополь: фронт и судьбы: сборник очерков / авт-сост. Н.Г. Лобанова. – Тольятти : Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти; ООО НПФ РАКС, 2004. – Гл. II. – С. 87-183.

26. Мельник С. После пира - война // Площадь Свободы. 2002. 24 июля. С. 4.
27. Мельник С. Эшпай А. Он не расписался на рейхстаге // Площадь свободы. 2002. 16 мая. С. 4. № 85 (2791).
28. Мишанина Н. Этуш вернулся в Тольятти через 60 лет // Тольяттинское обозрение. 2000. 5 июля. С. 10. № 15 (15).
29. Назаров Н. Солдаты России: Русские офицеры. Военные переводчики // Городские ведомости. 2000. 22 февр. С. 5. № 6 (72).
30. Новоплянский Д. Капитуляция. Сталинград, 31 января 1943 года // Правда. 1983. 30 января. С. 6. № 30 (23556).
31. Оборнева З.Е. Переводчики с греческого языка Посольского приказа первой половины XVII в.: дис. канд. ист. наук. Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Москва, 2018. 203 с. URL: http://igh.ru/system/dissertations/dissertation_pdfs/000/000/025/original/75cfd6bc245a8912a8d8c6839989974d7491c0bc.pdf?1542633930. (Дата обращения: 25.02.2020).
32. Овсянников В. А. Школа генерала Биязи // Площадь Свободы. - 1993. 24 марта. С. 6.
33. Овсянников В.А. Его именем назван наш город // Загранпаспорт Тольятти. 2000. С. 4-5. № 7.
34. Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетия [Текст] : материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории Российской академии наук. Москва. 2019. 236 с.
35. Письма военных лет из Ставрополя в Москву Дагаевой Татьяны Тихоновны, адресованные семье. Написаны в период учебы на курсах военных переводчиков при ВИИЯКА в Ставрополе: от 9/XI 41 г. и 24/XI 41 г. – кп. 7960.
36. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». URL:

- http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm. (Дата обращения: 25.02.2020).
37. Постановление СНК СССР от 29 августа 1938 г. № 951 «О высшем заочном обучении». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=32839#05363057139633556>. (Дата обращения: 25.02.2020).
38. Приказ министра Вооруженных Сил № 0180 от 5 сентября 1944 г. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2014/4815.pdf>. (Дата обращения: 25.02.2020).
39. Приказ НКО СССР от 12 апреля 1942 г. «Положение о Военном институте иностранных языков Красной Армии». URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/10.html. (Дата обращения: 25.02.2020).
40. Приказ НКО СССР от 12.04.1942 № 0271 «О реорганизации военного факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков в Военный институт иностранных языков Красной Армии». URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/index.html. (Дата обращения: 25.02.2020).
41. Приказ НКО СССР от 24.08.1940 № 0195 «О переподчинении военных академий, училищ и школ Главным управлениям НКО СССР и расформировании Управления высших учебных заведений Красной Армии». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/96_0195. (Дата обращения: 25.02.2020).
42. Приказ НКО СССР от 31 августа 1943 г. «О подчинении Военного института иностранных языков Красной Армии начальнику Главного управления кадров НКО СССР». URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/07.html. (Дата обращения: 25.02.2020).
43. Решение Ставропольского обкома КП РСФСР 2 июня 1942 года на основании распоряжения СНК СССР о размещении в Ставрополе

- Военного института иностранных языков в помещении санатория «Лесное». – Ф. 656, оп. 6, д. 76, л. 11.
44. Ржевская Е. Берлин, май 1945: Повести. - М.: Правда, 1988. 480 с. (Библиотека журнала «Знамя»).
45. Ржевская Е.М. Избранное: В 2 т. Т. 1: Ворошенный жар: Повести, рассказы, записки – СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. 440 с.
46. Свидетельства: а) № 604 от 4/8 – 42 г. на имя Галкина Александра Абрамовича об окончании II-месячных курсов военных переводчиков при ВИИЯКА; б) № 1065 от 13/XII – 43 г. на имя Федосюка Юрия Александровича об окончании 2-месячных курсов военных переводчиков при ВИИЯКА. – кп. 8353.
47. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебно-методические материалы для самостоятельной работы студентов / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Н.Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2004. 107 с.
48. Семенов И. Ставрополь в годы войны // Городские ведомости. 2010. 20 мая. С. 5. № 54.
49. Синклинер А.А. Записки военного переводчика / А.А. Синклинер. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1989. 173 с.
50. Ставрополь-на-Волге и его окрестности в воспоминаниях и документах / сост. В. Казакова. – Тольятти : городской музейный комплекс «Наследие», 2004. 340 с.
51. Стадульская Н.А. С миром на его языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3. С. 81-85.
52. Степанов В. Допрос в Бекетовке // Журналист АПН. 1983. 28 февраля. С. 3. № 2 (191).
53. Степанов В. Операция «Кольцо» из воспоминаний военного переводчика // Советская торговля. 1980. 9 мая. С. 3. № 56 (8272).

54. Строки огненных лет. Из дневника военного переводчика. К 40-летию Сталинградской битвы // Сельская жизнь. 1982. 16 декабря. С. 4. № 287 (18772).
55. Текст выступления перед учащимися Просвирниной Тамары Александровны 50-70 гг. XX СССР. - кп. 18812.
56. Тетрадь курсанта Сейеженского Владимира Ивановича (1941г.), которая велась на 2х месячных курсах военных переводчиков при Военном институте иностранных языков, дислоцирующихся в Ставрополе в годы войны. Содержит сведения о названиях военных чинов, отделов штаба дивизии в германской армии, технические данные военной техники и т.д. Представляет из себя обычную школьную тетрадь в клеточку без обложки. – кп. 7866.
57. Тетрадь преподавателя ВИИЯКА Паргарова Льва Федоровича; содержит топографические знаки, список курсантов – 1941 г. Т. общая, в линейку, в темно-синем переплете. – кп. 7878.
58. Типовой устав высшего учебного заведения, утвержденного постановлением СНК СССР от 5/IX 1938 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. (Дата обращения: 25.02.2020).
59. Горсуков Е.Г. Альма-матер военных переводчиков // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 112-126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/alma-mater-voennyh-perevodchikov>. (Дата обращения: 25.02.2020).
60. Чередников С.В. Воинское обучение и воспитание в годы Великой Отечественной войны: военные переводчики (И.Я. Биск) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. - № 11. С. 42-45. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29039569_48659188.pdf. (Дата обращения: 25.02.2020).
61. Чередникова А.Ю. Переводчики Великой Отечественной войны как представители советской военной интеллигенции (по материалам

мемуарного наследия) // Интеллигенция и мир. 2016. № 1. С. 53-65.
URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25922209_93111245.pdf. (Дата обращения: 25.02.2020).

Приложение А

Стенд - Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны 1940-1945 гг. (на примере института иностранных языков, эвакуированного в г. Ставрополь Куйбышевской области).

РОЛЬ ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1940-1945 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ЭВАКУИРОВАННОГО В Г. СТАВРОПОЛЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецко-фашистские войска внезапно вторглись на территорию Советского Союза. Многие Сталинградская область. В Москву с фронта была эвакуирован институт иностранных языков. Переводчики работали на фронте в Мелитополе и в Крыму. Многие из них погибли, многие были ранены, многие были захвачены в плен.

Сложные условия в стране вызвали необходимость эвакуации института в Ставрополь Куйбышевской области. Советский переводчик эвакуирован в Ставрополь 1 февраля 1942 года в Мелитополе. Институт иностранных языков (МИИЯ) в Сталинграде был эвакуирован в Ставрополь. Институт иностранных языков (МИИЯ) в Сталинграде был эвакуирован в Ставрополь. Институт иностранных языков (МИИЯ) в Сталинграде был эвакуирован в Ставрополь.

1 февраля 1942 года в здании Института МИИЯ, а также в 55 на Ленинградском мосту, находилась школа. На весь город была эвакуирована 222 переводчиков, которые работали на фронте. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Переводчики работали в Сталинграде, в Сталинграде, в Сталинграде. Переводчики работали в Сталинграде, в Сталинграде, в Сталинграде. Переводчики работали в Сталинграде, в Сталинграде, в Сталинграде.

Многие переводчики погибли в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Переводчики работали в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Многие переводчики погибли в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Переводчики работали в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Во время Великой Отечественной войны переводчики выполняли чрезвычайно важную работу. Они переводили немецкие документы, карты, письма, а также работали на фронте. Многие из них погибли, многие были ранены, многие были захвачены в плен.

Сложные условия в стране вызвали необходимость эвакуации института в Ставрополь Куйбышевской области. Советский переводчик эвакуирован в Ставрополь 1 февраля 1942 года в Мелитополе. Институт иностранных языков (МИИЯ) в Сталинграде был эвакуирован в Ставрополь.

1 февраля 1942 года в здании Института МИИЯ, а также в 55 на Ленинградском мосту, находилась школа. На весь город была эвакуирована 222 переводчиков, которые работали на фронте. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Многие переводчики погибли в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Переводчики работали в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Многие переводчики погибли в Сталинграде, Куйбышевской области. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками. Сталинградская область была захвачена немецкими войсками.

Николай Иванович Кузнецов (14 апреля 1911 - 7 апреля 1973 г.)

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

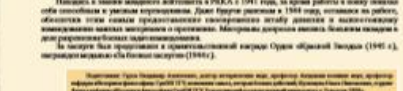
Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

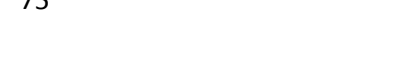
Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Николай Иванович Кузнецов, переводчик, Сталинградская область, Сталинград.

Приложение Б

Николай Николаевич Биязи (13 апреля 1893 г. – 7 апреля 1973 г.). Руководитель военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Советский военачальник, спортсмен, писатель, генерал-лейтенант. Владел 14 иностранными языками, в совершенстве знал французский и итальянский. Автор 35 научных работ по лингвистике и военному делу. Кандидат военных наук.

Приложение В

Из интервью с заместителем главного врача санатория «Лесное» Мезиным Андреем Павловичем

Санаторий «Лесное» расположен в городе Тольятти, неподалеку от берега Волги. Он был создан на базе частной кумысолечебницы, основанной в 1910 году ставропольским купцом и городским главой Валентином Климушиным в память о своей дочери, которая умерла от чахотки.

С начала основания санаторий имеет очень богатую историю, которая сопоставима с историей нашей страны. В годы Первой мировой войны он служил как госпиталь для раненых солдат и офицеров. После окончания войны туда приезжали высокопоставленные лица. Во времена Великой Отечественной войны здесь временно располагался эвакуированный из Москвы военный институт иностранных языков.

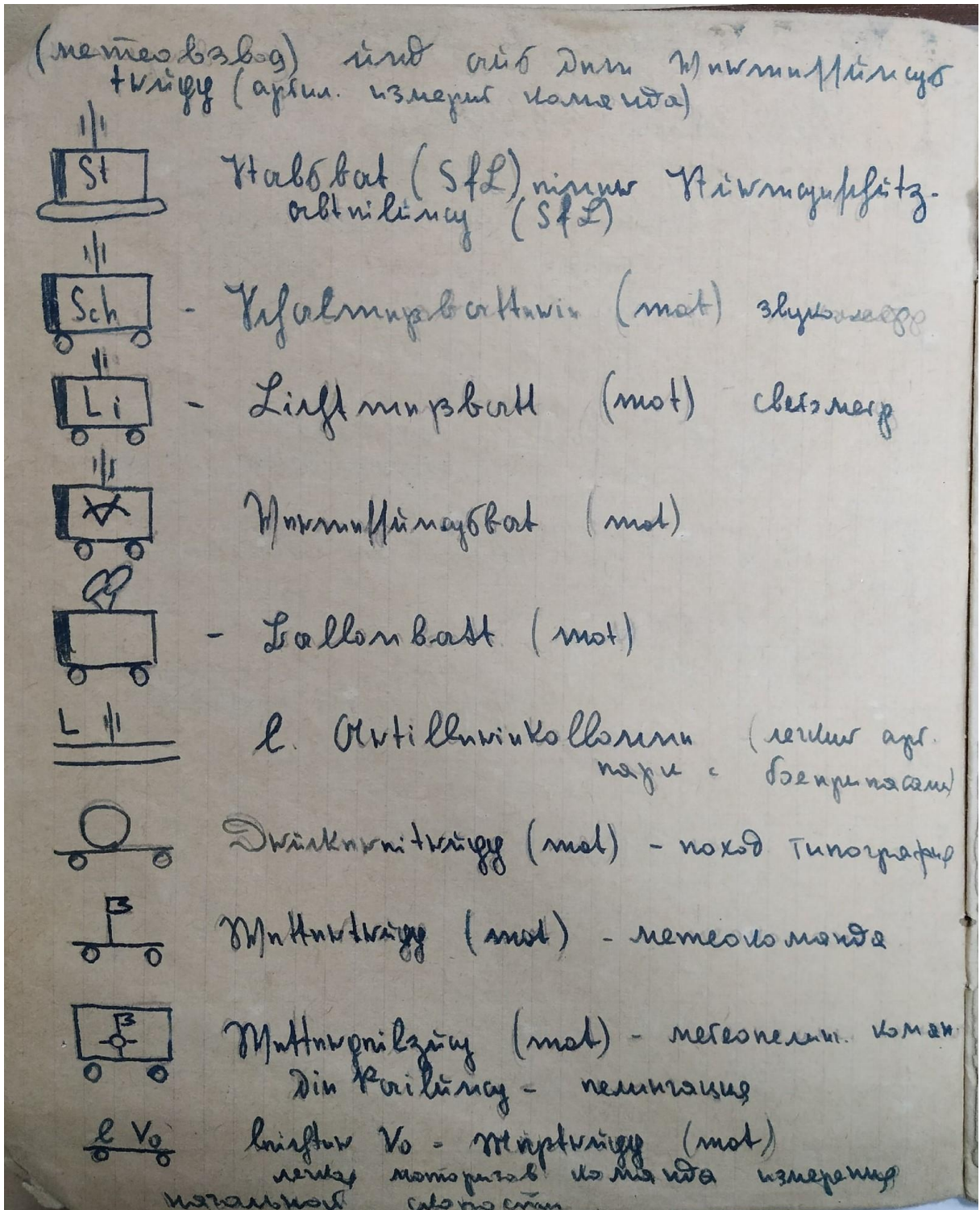
Здесь одно из четырех зданий, которые остались от старого Ставрополя (без переноса) – кумысный павильон. Там в свободное время отдыхали слушатели института, устраивая театральные сценки на иностранных языках, читали литературу и многое другое.

Сохранился с царских времен и погреб на 120 кв. метров. Ступени лестницы ведут вниз. Раньше тут хранили кумыс. С Волги зимой приносили глыбы льда, укладывали на дно, а сверху настилали соломой. Могло продержаться до следующей зимы. Институт во время своего пребывания здесь тоже использовал это сооружение. Не для хранения кумыса, конечно, но продовольствие складировалось здесь.

Большая часть территории санатория нуждается в реставрировании. Здесь находится много памятников прошедших времен, которые стоит сохранить. Они несут в себе важную часть истории. Истории, которую мы должны помнить и уважать.

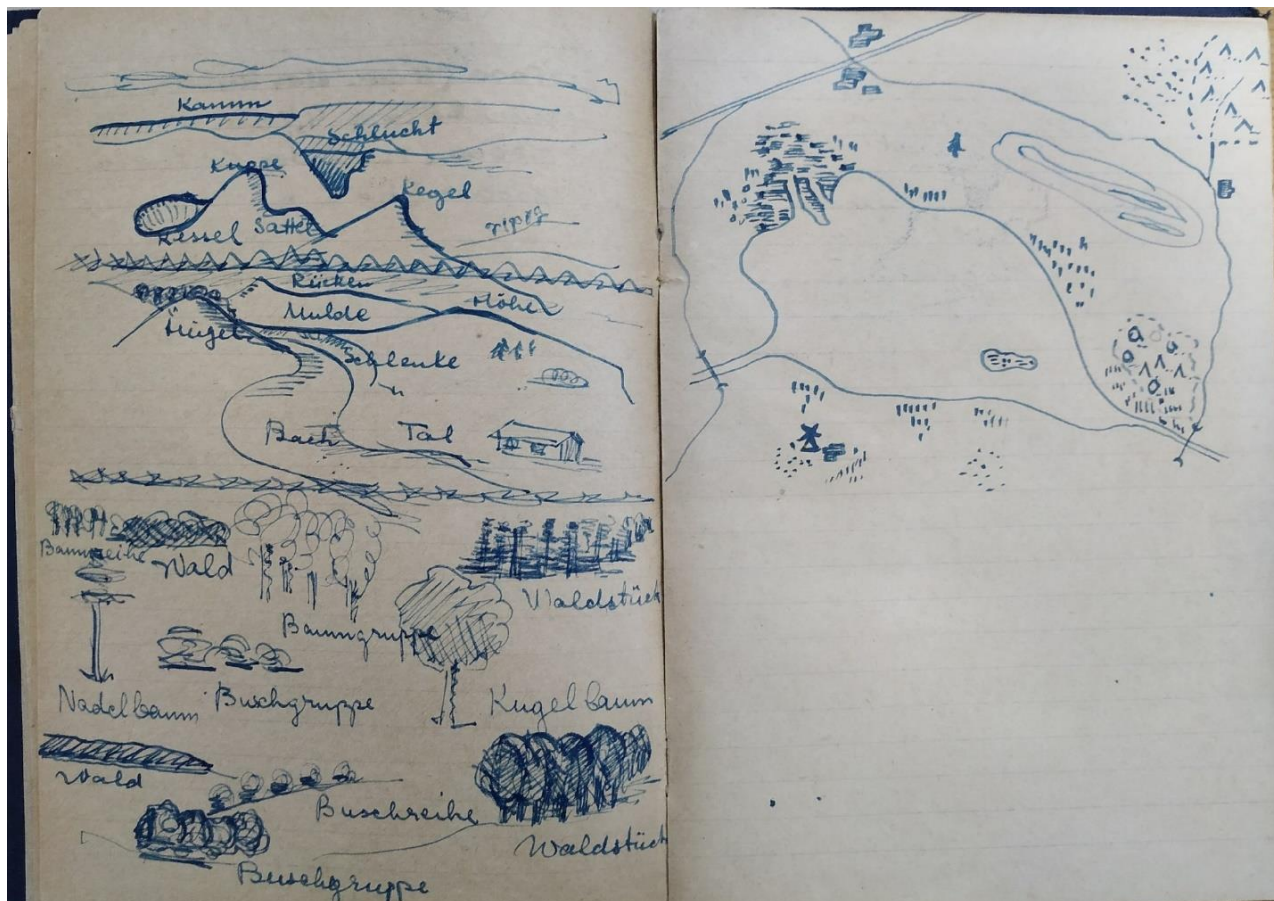
Приложение Г

Тетрадь курсанта Сейженского Владимира Ивановича (1941 г.), которая велась на 2х месячных курсах военных переводчиков при Военном институте иностранных языков, дислоцирующихся в Ставрополе в годы войны.

Приложение Д

Тетрадь преподавателя ВИИЯКА Паргарова Льва Федоровича; содержит топографические знаки, список курсантов – 1941 г.

Приложение Е

Зачетная книжка.

1-й семестр 19.....учебного года ПЕРВЫЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КУРС

№№ п/п.	Наименование дисциплины	Колич. часов	Фамилия профессора или доцента	Экзаменацион. отметка	Дата сдачи экзамена	Подпись экзаменатора
1	Истор. Литт.			хорошо		
2	Юр. Литт. XVIII в.		Заминина, Е. И. Слес. Курчан	хорошо		
3	Средневековье			хорошо		
4	Мені язика			хорошо		
5	Средневековье			хорошо		
6	Мені Л-ри			хорошо		
7	Мені Нар. Сер			хорошо		
8	Педагогика			хорошо		

2

Сектор
заочного
обучения

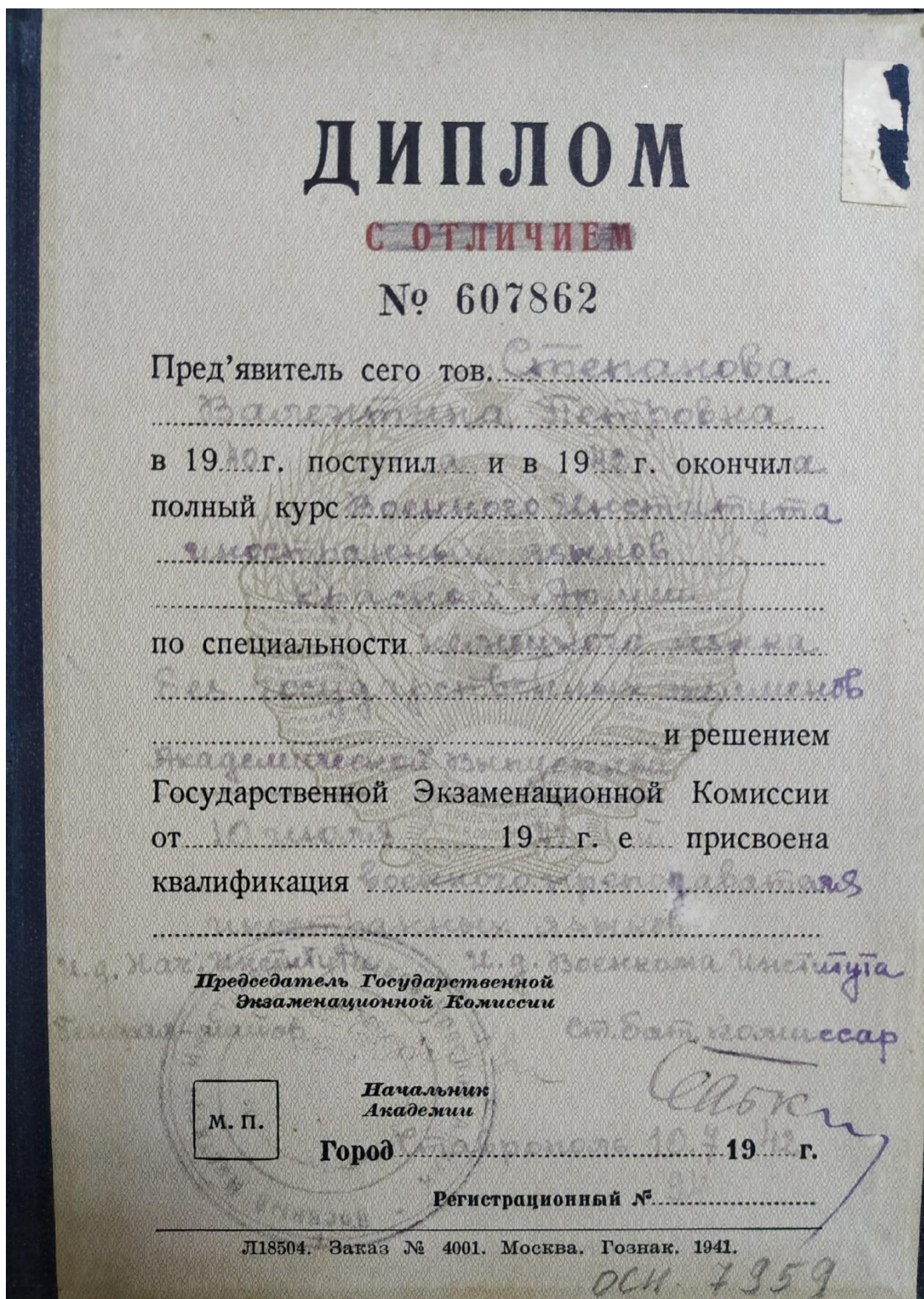
НКП РООСРЪ ДАМИАН

Декан

Приложение Ж

Диплом об окончании курсов Степановой Валентины Петровны.

Приложение И

Свидетельство об окончании курсов Булочникова Михаила Васильевича.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ КРАСНОЙ АРМИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 139

Выдано тов. Булочникову
Михаилу Васильевичу в том, что в 1943 г.
он окончил 10 месячные курсы
отделения ГлавПУРКА при Воен-
ном институте иностранных язы-
ков Красной Армии по немецкому
языку с оценкой „отлично“.

 Начальник Института
Полковник Степанов

„13 августа 1943 г.“

Приложение К

Приказ НКО СССР от 12 апреля 1942 г. «Положение о Военном институте иностранных языков Красной Армии».

*огдано
в набор.
В кассе историческ
есть черновики*

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР
АРМЕЙСКИЙ КОМИССАР I РАНГА
12 апреля 1942 года.

Е. МАДРЕНКО

П О Л О Ж Е Н И Е
о Военном институте иностранных языков Красной Армии

1. Военный институт иностранных языков является высшим военно-учебным заведением Красной Армии.
Военный институт - часть строевая, подчиняется Главному Разведывательному Управлению Генштаба Красной Армии.

2. Институт готовит:

- а) военных переводчиков-референтов;
- б) преподавателей для высших и средних военно-учебных заведений Красной Армии.

3. Военный институт иностранных языков в своем составе имеет:

- а) I факультет западных языков;
- б) 2 факультет восточных языков;
- в) курсы переподготовки с отделениями западных и восточных языков.

4. Сроки обучения на I и 2 факультетах 3 года, на курсах переподготовки до одного года.
Комплектование института производится на основе общего положения для высших учебных заведений Красной Армии.

5. Учебные планы института утверждаются начальником Главного Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии.

6. Весь постоянный и переменный состав Военного института в отношении снабжения всеми видами имущества и денежного довольствия обеспечивается на общих основаниях с ВВУЗ Красной Армии.

7. В составе Военного института разрешается содержать (не свыше 20% от общего штата) слушателей НКВМФ и НКВД за счет указанных наркоматов.

НАЧАЛЬНИК ГЛ. РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК

ЗАМ. ВОЕННОГО КОМИССАРА
ГЛ. РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР

(ПАНФИЛОВ) (МАЛЬКОВ)

Приложение Л

Листовки агитационные, выпущенные советскими разведорганами во время Великой Отечественной войны. Прорыв блокады Ленинграда. Перевод надписи сверху «Новая победа Красной Армии».

